

Юлия Галанина

Бретонская колдунья

Юлия Галанина
Бретонская колдунья
Серия «Аквитанки», книга 1

авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168894

Содержание

Часть первая	4
ГЛАВА I	4
ГЛАВА II	8
ГЛАВА III	16
ГЛАВА IV	19
ГЛАВА V	27
ГЛАВА VI	33
ГЛАВА VII	38
ГЛАВА VIII	43
ГЛАВА IX	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Юлия Галанина

Бретонская колдунья

Часть первая АКВИТАНИЯ

ГЛАВА I

ФРАНЦИЯ. Гиень. 1486год.

Только Жаккетта наворотила побольше сена на вилы и уже собиралась перенести его, как в сарай влетела взбудораженная матушка. Достаточно было взглянуть на ее разгоряченное, потное лицо под большим, сбившимся набок чепцом, чтобы понять, что произошло что-то сверхъестественное.

– Жаккетта, доченька, бросай это чертово сено! (Прости, Господи, Владычица Небесная, не хотела, а согрешила словом!) Госпожа Изабелла берет тебя в замок! – и госпожа Рено с размаху плюхнулась в сено, утирая лицо краем фартука.

Тетушка Фелиза была права: это событие было счастьем для их семьи и непонятным чудом для всей остальной округи. Хотя на взгляд местных парней Жаккетта была девушкой хоть куда: природа щедро наделила ее телесными достоинствами, – но по мнению женской части деревни она была чересчур проста, толста и грубовата.

– И что нашла в этой кадушке госпожа Изабелла? – удивлялись местные кумушки, чьи дочки были несправедливо (как им казалось) обойдены.

Причина, однако, была достаточно проста, но имела небольшую предысторию.

Несколько недель назад мадам Изабелла, графиня де Монпезаф, владелица всей округи, одна из самых родовитых сеньор Аквитании, заполучила назад в родовое гнездо свою единственную дочь, которая до этого воспитывалась в монастыре урсулинок.

Вполне заурядное событие.

Молодая графиня покорила всю округу надменной красотой и изысканными нарядами. Хрупкая материнская любовь мадам Изабеллы (которая, во время нахождения дочери в монастыре, посещала ее не чаще одного раза в полгода, не считая, конечно, больших праздников) поначалу распустилась пышным цветом, видя такой успех, но потом получила сильнейший удар.

Этот удар нанес никто иной, как сердечный друг графини, ее великовозрастный паж Робер. На балу, данном в честь возвращения единственной наследницы славного рода де Монпезаф к родным пенатам, Робер так открыто посылал в сторону Жанны восхищенные взгляды, что это заметило большинство присутствующих, а мадам де Сент-Оле доверительно шепнула соседке:

– Посмотрите, милочка, какое бесстыдство! Этот красавчик Робер времени не теряет. Как, вы не знаете его историю?! Я сейчас Вам все расскажу! Покойному графу в последние годы жизни стали поднадоедать женщины, которых у него было великое множество, уж можете мне поверить! Кстати, про графиню я и не говорю. К ней он испытывал неодолимое отвращение уже через год после свадьбы. Да она и не страдала. Так о чем это я? Ах, да... Граф взял этого юного красавчика оруженосцем, но мы то с Вами знаем, к а к и м оруженосцем он его взял! Мерзость, верно?! Не прошло и года после этого, как граф от бес-

путной жизни скончался и тут осиротевшего Робера пригрела графиня... Из оруженосцев в пажи, где такое видано¹? А теперь он подбивает клинья к дочери – всю семейку хочет обслужить. Только зря он старается... Скажу исключительно Вам... По секрету... Моя дочь тоже у урсулинок, так она говорит, что такой гордячки, как эта Жанна свет не видывал! Ведет себя так, как будто она принцесса крови! Все уши девочкам прожужжала про то, что она прямая наследница Элеоноры Аквитанской. А какая там прямая – все по младшей линии, да и Элеонора эта ведьма, говорят, была. После мессы на освящение даров никогда не оставалась, сразу после Евангелия уходила. А попробовал как-то муж удержать – в окно вороной улетела. Благочестивые люди помалкивали бы о таком родстве!

Мадам Изабелла тоже заметила авансы своего ветреного дружка в сторону дочери и в ее сердце вспыхнула черная ярость. Положения не исправил даже тот факт, что Жанна всем своим видом дала понять пажу, что в ее глазах он стоит, конечно, выше клопа, но значительно ниже таракана.

Догадливый Робер все понял и отправился в опочивальню мадам Изабеллы замаливать грехи. Грехи ему отпустили, но ярость графини переросла в холодную неприязнь к дочери-сопернице. Поэтому-то, подбирая Жанне необходимый штат прислуги, графиня включила в него (конечно же, абсолютно непреднамеренно) самых нелюбимых камеристок и в горничные выбрала наиболее непрезентабельную девицу, которую только могла вспомнить...

* * *

Папаша Рено разбудил Жаккетту до свету: пешком до замка было не близко. Плотненько закусив перед дальней дорогой, (особо налегая – для аппетита – на чеснок), они отправились в путь. Мамаша Рено от неожиданно свалившегося счастья занемогла и проводить дочку не смогла.

Первый час Жаккетта шла в полусне. Еще бы! За всю ночь ей удалось поспать всего ничего: на берегу речки она прощалась со своим сердечным дружком, пастухом Дедье. Сначала прощание было тихим, торжественным и грустным. Дедье целовал ее в полные губы и мрачно спрашивал:

– Не забудешь?!

Но потом в вырез горловины полотняной рубашки Жаккетты заполз муравей...

Некоторое время спустя пение цикад и журчание реки заглушил грудной смех, чертыхание запутавшегося в юбках Дедье и шум буйного поединка. Победила Жаккетта – она смогла первой подняться с искатанной полянки и, выбирая из волос колючки, листву и прочую дребенень, заспешила домой. Пастух же остался лежать, не в силах двинуть ни одной конечностью.

* * *

И совсем немудрено, что теперь она запиналась на каждом камушке.

¹ Мадам де Сент-Оле права, по тем временам это странное повышение в должности. Даже в школьном учебнике истории средних веков отмечено, что сыновья мелкопоместных дворян отправлялись в юном возрасте ко двору сеньора, чтобы получить там соответствующее их сословному положению воспитание. Они становились сначала пажами, вертясь, в основном, на женской половине, и прислуживая знатым дамам. По мере возмужания, где-то в 15–16 лет, они поднимались на ступень выше и становились оруженосцами, сопровождая своего господина в походах, войнах и на турнирах. Только после того, как оруженосец доказывал свою доблесть, отвагу и умение, его посвящали в рыцари. Но овдовевшая мадам Изабелла не могла держать в замке оруженосца: он должен был или сделаться рыцарем и отправиться домой, или перейти к другому сеньору, чтобы завершить свое «обучение». Поэтому красавчику Роберу пришлось стать великовозрастным пажом при госпоже.

Простодушный папаша Рене даже воскликнул:

– Ну вы, женщины, и дуры! Любое событие выбивает вас из колеи. Мамаша, вон, свалилась от радости, ты, небось, всю ночь провертелась с бока на бок от волнения. Идешь, зеваешь! Вот я всегда сплю крепко, что бы ни случилось!

Жаккетта лишь согласно кивнула головой.

Июньское солнце уже изрядно напекло им плечи и спину, а до замка было идти, да идти.

Он, как страж возвышался над долиной. Построенный на холме, замок был почти неприступен, поэтому во время Столетней войны на него точили зубы и англичане, и французы, и всякий наемный сброд, но безуспешно.

С того времени прошло полвека и Гиень постепенно привыкла быть французской провинцией, но никогда не забывала о своем прошлом...

* * *

В это утро Жанна пребывала в весьма кислом расположении духа.

Тому способствовал ряд причин: и неприятный сон, и растяпа камеристка, подавшая не то платье, и вчерашняя записочка с объяснением в стихах от этого плюгавого красавчика, матушкиного утешения на старости лет. У Рюделя скатал, сердцеед недоделанный! А самое интересное, матушка вообразила, что ей, Жанне, нужен ее сладострастный Тристан, провалились он со всеми потрохами, и теперь только и слышно: ах, какая прекрасная партия сосед справа, ах, какая прекрасная партия сосед слева! Совсем голову потеряла! Лишь бы сбегать дочку побыстрей, да подешевле!

Поэтому, сидя рядом с матерью в Большом зале и слушая (точнее, делая вид, что слушает) отчет управляющего, Жанна капризно надула губы и, постукивая камнем перстня о подлокотник, глядела прямо на плешь господина Шевро. Тот ежился под ледяным взглядом младшей графини и (небывалое дело!) старался не слишком завираться. Жанна же думала о своем.

«Замуж выходить, конечно, надо. Никто и не спорит. Но стоит довериться матушке – и быстро окажешься владелицей захудалого фьефа² по ту сторону Гаронны, где только и разговоров: «Ах, какой прекрасный виноград был в прошлом году, а в позапрошлом вот не уродился... А помните, как сеньор Реджинальд на охоте упал с коня?» Бр-р... Единственным событием за всю жизнь, кроме бесконечных родов, будет паломничество в Компостеллу к святому Иакову. Нет уж, увольте!

Настоящую жизнь, изысканное общество и галантные развлечения можно найти только при королевском дворе. Был бы жив отец...

Господи Боже! Ну почему так?! Все нормальные девицы с детства сосватаны и не тревожатся за свою судьбу. А э т о т придурок, за которого меня просватал покойный батюшка, полгода назад свернул себе шею. И ведь все давно было улажено: и приданое, и место молодоженам при после во Флоренции. Набралась бы итальянского шику, а потом назад, к королевскому двору... Неуклюжий болван положил конец всем мечтам и надеждам. Из окна, видите ли, выпал, урод!

Теперь все заново: поиски мужа, хлопоты о приданом, которое загадочно уменьшилось... А тут еще матушка на каждом шагу палки в колеса ставит. Бабушкино, мне завещанное кольцо прикарманила!»

Господин Шевро физически почувствовал, как нацеленный на его лысину взгляд из ледяного стал обжигающе-горячим. Он завертелся, как грешник на сковороде, но тут, на его счастье, доложили о приходе в замок селянина Рено с дочерью.

² Фьеф – вотчина, наследственное владение

– Введите, – с облегчением приказал управляющий и пояснил мадам Изабелле:

– Это та девушка из деревни.

Дядюшка Рено и Жаккетта робко вошли. Весь зал наполнил забористый запах чеснока и пота. Отец и дочь с явным восхищением оглядывали пышное убранство стен, тканые шелком шпалеры и красочные щиты с яркими эмалями гербов.

– Дочь моя, позвольте представить Вам Вашу новую горничную. Жюльетта... Нет?... Ах да, Жаккетта Рено! – с высоты своего кресла-трона милостиво возвестила мадам Изабелла.

Жанна с ужасом увидела, как эта воняющая чесноком, упитанная коротышка, безмятежно тараща на нее синющие глаза, изобразила нижней частью туловища какое-то замысловатое движение, вероятно, изображающее придворный реверанс.

Ах, это уже чересчур!!!

И Жанна оскорбленно упала в обморок – в знаменитый обморок, который воспитанницы монастыря святой мученицы Урсулы месяцами тщательно отрабатывали по ночам. По преданиям, подобное лишение чувств безотказно действовало на недогадливых кавалеров и неуступчивых родителей.

Но мадам Изабелла четверть века назад воспитывалась в этом же монастыре...

Поэтому она холодным взглядом остановила метнувшихся, было, к ним служанок и, продолжая любезно и снисходительно улыбаться папаше Рено и Жаккете, прошипела сквозь зубы:

– Стыдитесь, дочь моя! Благородные дамы никогда не обнаруживают своих чувств перед простолюдинами. Это больше пристало сельским пастушкам!

После такой отповеди уязвленной Жанне пришлось очнуться и изобразить на перекошенном от ярости лице кисло-любезную улыбку.

А Жаккетта с восторгом рассматривала невиданно красочное великолепие вокруг, сидящих на возвышении выхоленных дам, разодетых в шелк и бархат. Когда одна из них, закатив глаза, обмякла в кресле, Жаккетта подумала:

«Ух ты! Тут красивше, чем в нашей церквушке! Вот так, наверное, выглядит рай, про который всё кюре³ толкует. А люди-то какие забавные, ну и весело будет!»

И гордо сделала еще один реверанс...

³ Кюре – (от латинского *cure* – заботиться) священник, возглавляющий религиозный округ, общину католической церкви.

ГЛАВА II

Следующая неделя в роли горничной молодой графини для чуть более утонченного и впечатлительного создания показалась бы адом.

Жанна твердо решила известить непрезентабельную особу, навязанную ей матерью. В ход пошли все те хитрые, невинные с виду методы истязания, которые обычно дают прекрасные результаты.

Но на беду Жанны, в родительском доме Жаккетты несколько лет гостила старая, давно овдовевшая тетя из Бордо. Тетушка была о себе самого высокого мнения и отличалась на редкость мерзким характером. Она ежедневно третировала приставленную за ней ухаживать Жаккетту, проявляя при этом редкую изобретательность.

Поэтому сейчас Жаккетта даже не поняла, что ей объявили войну. Она машинально ловила роняемые флаконы, уклонялась от шпилек, вовремя убирала руки-ноги $\frac{3}{4}$ и все это с таким безмятежно-счастливым видом, что госпоже Жанне делалось дурно.

А потом положение вещей изменилось...

* * *

Как-то ранним утром у ворот замка возник странный, ярко раскрашенный фургон. Парусиновые полотнища бортов весело развевались и, казалось, что его принес, как каравеллу, свежий ветер с Атлантики.

Это были везде желанные гости – странствующие жонглеры⁴ и акробаты. В здешние места такие люди забредали нечасто, предпочитая давать представления при более богатых дворах. И поэтому каждый приезд актеров был большим событием для всей округи. К тому же, как выяснилось из дикого рева толстого здоровяка, труппа долго колесила по долине Луары и, значит, могла сообщить самые свежие сплетни о жизни королевских особ.

Дорогих гостей самолично встретил управляющий. Отдав распоряжение, чтобы труппу накормили и устроили на отдых, он помчался докладывать графине.

Мадам Изабелла принимала поверенного господина Лебрэ – известного бордосского суконщика и торговца тканями. Поверенный прибыл с приятным известием, что в лавку пришел груз прекрасного геноуэзского бархата.

Графиня мучительно размышляла, сколько же бархату взять: очень не хотелось тратиться на платье дочери. А с другой стороны, попробуй не купи – мерзкая девчонка устроит скандал на всю Гиень. Сплошной тупик, а бархат лежать не будет... Вот тут-то и появился сияющий господин Шевро.

Мадам Изабелла сразу же поняла, что это знамение Божие и помощь Пресвятой Девы, которой она вчера долго молилась.

В самом деле, представление – прекрасный повод созвать соседей. Кроме этого объявить турнир (как в старое доброе время при живом графе), за турниром бал, – глядишь, какой-нибудь рыцарь и покорит надменное сердце Жанны. Свадьба осенью, после сбора урожая. А к холодам, когда дочь уже мужу будет отравлять жизнь, придет черед и новым теплым бархатным платьям!

– Передайте господину Лебре, что я беру на два. Он знает сколько. Вот этот вишневым – и к нему розовый шелк. И, пожалуй, темно-зеленый, с бледно-желтым шелком на нижнее. Пусть он передаст в мастерскую Мадлен и скажет, чтобы начали шить. Тесьму на отделку я привезу сама, – распорядилась довольная собой графиня.

⁴ Жонглер – в средние века это слово, помимо известного значения, обозначало вообще артистов

* * *

После долгих споров под представление решили отвести большой зал старого донжона⁵ – тот самый, в котором в 1324 году, в Аквитанскую компанию пировали граф Раймон и английский наместник герцогства мессир Бассе.

Служанкам пришлось изрядно попотеть, очищая зал от многолетних залежей грязи. А потом плотники под руководством толстяка (оказавшегося главой актеров) стали сооружать подмости.

Уже на следующий день стали съезжаться оповещенные гости.

Первым прибыл шевалье дю Пиллон, благо его захудалый замок находился в нескольких часах неторопливой езды.

Бесконечные войны предков под любыми знаменами, будь то с Англией против Франции или с Францией против Испании, и громкие любовные похождения самого дю Пиллона порядком подытожили его кошелек. Но ведь это был потенциальный жених для Жанны – поэтому мадам Изабелла встретила шевалье с удивившем его радушием.

Дю Пиллон не ставил перед собой великих целей: он хотел лишь осчастливить своим вниманием пару-тройку хорошеньких акробатов, но после такого теплого приема в голове у сообразительного шевалье зародились интересные мысли о штурме добродетелей и самой графини Изабеллы.

Подъехало семейство де Ришар.

Из поколения в поколение они были вассалами графов де Монпезац. Рене де Ришар, старшая из семи юных отпрысков, воспитывалась в монастыре вместе с Жанной и была ее близкой подругой, поскольку ни красотой, ни характером, ни состоянием не могла соперничать с молодой графиней. Рене оттеняла ее великолепие и, казалось, была полностью довольна такой участью.

С солидной свитой родственников и знакомых нарисовалась редкая в Гиени гостья – баронесса де Шатонуар.

Она была стариннейшей, еще со времен юности, приятельницей мадам Изабеллы, но в своих родных местах бывала редко, предпочитая проводить время в разъездах между дворами Англии, Франции, Бургундии, Германских земель и ведя бесконечные тяжбы о наследстве земель покойных супругов. (Безутешная, но все еще очаровательная вдова недавно проводила в мир иной четвертого мужа.)

А потом многочисленные гости полностью запрудили повозками и конными носилками дорогу к замку.

Наконец, всех разместили и устроили, и на вечер третьего дня было назначено первое представление.

* * *

Во время утренней трапезы глава труппы торжественно объявил госпоже графине, что всё готово и артисты горят желанием показать свое искусство сильным мира сего. Большое представление будет вечером, а днем, для разминки, акробаты, танцовщицы и жонглеры выступят с несколькими номерами для мелкого люда на площади, чтобы никто не чувствовал себя обойденным.

⁵ Донжон – главная башня замка. Обычно, самая старая, так как в раннее средневековье донжон и был замком.

Гости встретили слова толстяка гулом одобрения и многие дамы поспешили завершить завтрак, чтобы успеть за такой ничтожно малый срок успеть приготовиться к вечернему празднику.

Оставшиеся все своим видом показывали, что это просто неприлично – так спешить к туалетному столику. Красота, которая стоит столь длительных усилий, наверняка фальшивая.

Наконец мадам Изабелла встала и тем подала сигнал остальным. Гостей как ветром сдуло. Кто отправился поспать для здоровья и бодрости духа, кто ринулся проверять дорожные сундуки с нарядами. Благородные рыцари отправились на конюшню обсудить стати своих боевых коней (и, попутно, возлюбленных). А большинство дам, после непродолжительной прогулки, улеглось на кровати с намазанными сметаной лицами, чтобы к вечеру покорить кавалеров неземной нежностью бархатной кожи.

– Прости, Господи, меня, грешную! – ругалась на кухне тетушка Франсуаза, гремя сковородками и раздавая подзатыльники поварьям.

– Всю сметану на свои бледные морды извели, хуже чумы египетской! А ведь такая нежная сметана получилась, хоть Пресвятой Деве подавай, и все коту под хвост! Тьфу!

* * *

К сильнейшей зависти всех местных красавиц, мадам Изабелла имела в замке личного мастера дамских причесок и, по совместительству, астролога итальянца Марчелло Ламори.

Мессир Марчелло был великим кудесником женской красоты, и в последние годы большей частью своего успеха увядающая графиня была обязана только ему. Поэтому мадам Изабелла цепко держалась за такое сокровище и если на составление гороскопа для некоторых соседей она со скрипом соглашалась, то уж к чужим головам итальянца ни под каким предлогом не допускала.

Сегодня великой чести быть причесанной им удостоились лишь сама графиня, Жанна и баронесса, но и это был адский труд даже для такого мастера.

Обиходив за четыре часа почтенных дам, мессир Марчелло приступил, наконец, к сотворению на голове Жанны своего знаменитого шедевра – прически «Флорентийский каскад».

* * *

Отряд камеристок и горничных напряженно замер в ожидании приказаний мастера. Жанна надменно застыла в кресле перед венецианским зеркалом. В другом углу, в таком же кресле перед зеркалом рамой попроще сидела Рене де Ришар. Ее должна была причесывать, глядя на работу итальянца, Бенедикт – наиболее искусная камеристка Жанны.

Мессир Марчелло приготовил гребни и зажимы, проверил щипцы для завивки, пробормотал коротенькую молитву и с воздетыми руками начал подступать к креслу...

... Но торжественный момент внезапно нарушил громкий стон: Бенедикт, резко побледнев, схватилась за живот, а затем бросилась вон из комнаты, зажимая рот руками. Выбежавшая вслед за ней горничная через несколько минут вернулась и сообщила, что у Бенедикт расстройство живота и вернуться к своим обязанностям она не сможет.

Все взоры невольно устремились на бедную Рене. Она сидела по-прежнему прямо и неподвижно, не шевельнув ни одним мускулом лица, но всем было ясно, что итальянец не успеет до представления причесать и её, а значит...

– Не волнуйтесь, моя дорогая, – мелодичным голосом произнесла Жанна. – Жаккетта! Займи место Бенедикт. Приступайте, мессир Марчелло!

Надо заметить, что Жанна не испытывала никаких угрызений совести. Наоборот, она была в полном восторге, что представилась возможность, да еще такая прекрасная, припереть ненавистную коротышку к стенке. Когда Жаккетта изуродует головку Рене де Ришар, ее хорошенько высекут на заднем дворе. А бедняжка Рене... Да какая, в сущности, разница, как она будет причесана? Сегодня, всю неделю и всегда королевой общества, чтобы там себе другие не воображали, будет она, Жанна.

Страсти понемногу улеглись и мессир Марчелло смог приступить к делу.

Это было похоже на колдовство: руки мастера летали, укладывая прядь за прядью, плетя жгуты и косы, втыкая шпильки с жемчужными головками. Камеристки и горничные, как поднятые ветром листья, сновали вокруг кресла, подавая все необходимое.

Два часа пролетели, как один миг.

Наконец итальянец в последний раз придиричиво осмотрел творение своих рук, снял с Жанны защитную накидку, отступил в сторону, церемонно поклонился и скромно застыл в ожидании похвал.

Общий вздох восхищения пронесся по комнате. В этот раз мессир Марчелло превзошел самого себя.

В темно-лазоревого платья, расшитом золотой нитью ажурными завитками, с жемчужным ожерельем, на котором висел крохотный, но массивный крестик, увенчанная короной из белокуро-золотистых кос и жгутов Жанна выглядела просто по-королевски. Она удовлетворенно смотрела в зеркало, величественно принимая всеобщие восторги. Мессир Марчелло с невозмутимым видом укладывал в футляры инструменты.

Когда первая волна восхищения схлынула, все повернулись в сторону Рене и Жаккетты, предвкушая не менее интересный скандал.

Жаккетта не то напевала, не то что-то бубнила себе под нос и тоже наносила последние штрихи на созданный ею шедевр. Ее спина полностью загораживала от присутствующих голову Рене. Зрелище было очень комичным и Жанна снисходительно – холодно улыбнулась. Стоящие за ее креслом камеристки, уловив реакцию хозяйки, дружно прыснули со смеха.

Не обращая на них никакого внимания, Жаккетта на минуту задумалась, почесала затылок и решительным движением воткнула в макушку жертвы последнюю шпильку. Затем, подражая итальянцу, сняла с Рене накидку и отступила в сторону, изобразив свой немислимый реверанс.

Бледная Рене де Ришар сидела в кресле, закрыв глаза. Очевидно, она зажмурилась с самого начала и все это время с трудом сдерживала слезы. Но к великому удивлению присутствующих, работа Жаккетты была ничуть не хуже, чем прическа Жанны. Более того, «Флорентийский каскад» придал чертам Рене обворожительную миловидность, подчеркнув природное изящество лица.

Пока девушки, раскрыв рты, рассматривали это чудо, мессир Марчелло разразился восхищенной тирадой на родном языке. (У понимавшей итальянский Жанны покраснели уши, так щедро мастер снабдил свою речь отборной моряцкой руганью.)

В этот миг судьба Жаккетты круто перевернулась. Быстро соображающая Жанна сразу поняла, какая жемчужина отыскалась среди деревенского навоза. Итальянец подучит девочку своим премудростям и она не уступит лучшим мастерам. Редкая удача!

В этот момент в комнату величаво вплыли мадам Изабелла и баронесса де Шатонуар. Они уже успели начерно обсудить последние сплетни и теперь зашли за девушками, чтобы всем вместе идти в зал.

Баронесса долго жила в Северной Италии и очень хорошо поняла все, что сказал мессир Ламори. Судя по тому, как заблестели ее глаза, она была бы не прочь услышать такие же комплименты в свой адрес.

Догадливый итальянец тут же углядел какой-то непорядок в локонах мадам де Шатонуар, кокетливо выбивавшихся из под накрученного из восточных шелков тюрбана. Кланыясь обеим дамам, дико вращая черными глазами и трагически прижимая руки к груди, мессир Марчелло заявил, что если госпожа баронесса в таком виде выйдет к гостям, то его, как виновника случившегося, нужно будет сбросить с донжона.

Жанна уступила свое кресло баронессе, которая, томно прикрыв глаза, еще раз отдалась во власть ловких рук мастера. Тот вдохновенно исправлял несуществующий беспорядок и что-то страстно бормотал на своем родном диалекте. Мадам де Шатонуар улыбалась и, изредка, вздыхала. Догадливым присутствующим, (а таких было большинство) стало ясно, что сегодняшней ночью скучать и мерзнуть баронесса не будет.

Мадам Изабелла, несколько раздосадованная неожиданной задержкой, нервно поиграла пальцами, проверила на месте ли серьги, поправила кольцо. Не зная, чем бы еще занять время, немного повосхищалась работой мессира Марчелло. (Высказав, правда, при этом некоторое неодобрение современным модам: «Если дело так дальше пойдет, то скоро весь лоб дамам волосами завесят, вот уж уродство-то будет!»)

Наконец ее терпение полностью иссякло и она, озабоченно поправляя кольцо во второй раз, величественно сказала в пространство:

– Пойдемте, дамы, пора!..

Мессир Марчелло чутким ухом уловил угрожающие нотки в тоне хозяйки и молниеносно завершил работу. Разнежившаяся баронесса неохотно покинула кресло. Излучая доброту ко всему миру, она, мимоходом, поправила Рене сережку и проворковала:

– Какие у Вас дивные белила, милочка! Пойдемте, пойдемте, дорогие мои!

Рене, чуть порозовев, встала и сделала реверанс.

Но теперь Жанна обнаружила в своем туалете какой-то беспорядок и, отдавая приказания засуетившимся камеристкам, сказала матери:

– Ступайте без нас, матушка. Мы сейчас подойдем.

* * *

Как только за графиней и баронессой закрылась дверь, Жанна насмешливо фыркнула:

– Госпожа Изабелла совсем одичала в нашей глуши. Матушка, видимо, собирается просидеть в кресле до начала представления, приветствуя все захудалые семейства, входящие в зал. Фи-и, госпожа графиня!.. Вы ведете себя не как благородная сеньора, а как кумушка в деревенской церквушке. Пойдем, Рене, я покажу тебе потайной ход в стене донжона. он как раз ведет на левый балкон зала. Посмотрим оттуда, какое нынче общество собралось, а спустимся, когда факелы гасить начнут.

Рене уже сообразила, что сегодня она не только не пострадала, но и, пожалуй, может посоперничать с подругой. Поэтому она охотно подхватила:

– К тому же нас оттуда будет лучше видно. Местные простушки внизу веера себе пообкусают с досады! – и победно рассмеялась.

Девушки набросили на головы прозрачные вуали с двойной каймой и, подхватив длинные юбки, направились к выходу.

* * *

Старый потайной ход пронизывал в толще стен весь донжон сверху донизу.

Узкие потайные коридорчики ответвлялись от основного прохода и выходили в самые неожиданные места башни. Мало кто в замке знал ход полностью: смельчаков шастать по темным и страшноватым коридорам особо не находилось. Да и жизненной необходимости не было: это триста лет тому назад по нему, в случае осады можно было покинуть замок. Теперь же построенные в прошлом веке стены перекрывали путь старому ходу. В их толще тоже змеились потайные проходы, словно туннели, прогрызенные в бревне короедами.

Все это Жанна рассказывала Рене, ведя ее на балкон. Впереди них шел слуга с факелом.

С балкона, действительно, открылся прекрасный вид на зал. Плотники постарались на славу. Они построили крепкую сцену и возвели три высоких помоста-ложи для особо важных гостей. Публика попроще – в основном, местные однопоместные дворяне – сидела на наспех сколоченных скамьях, накрытых для убережения известных частей тела от заноз чистой парусиной.

Почти все места были заняты, пустовали лишь отдельные кресла в ложах.

Внизу, на скамьях, царил непринужденное веселье, порхали фривольные шуточки и дружеские приветствия, но на помостах чувствовалось напряжение: тому причиной было весьма интересное расположение приглашенных.

Госпожа Изабелла, твердо решившая полностью использовать такой удобный момент, плюнула на все приличия и тонкости и пригласила в свою ложу практически всех потенциальных женихов для дочери. Поэтому на соседних помостах мужчин явно не хватало. Прелестные дамы кисло шушукались между собой о таком неслыханном и бесцеремонном нахальстве со стороны графини и бросали выразительные взгляды в сторону центральной ложи.

Как и предсказывала Жанна, мадам Изабелла, напряженно выпрямившись, сидела в высоком кресле и приветствовала всех входящих, упорно не замечая разящих взглядов из соседних лож.

Появление на балконе юной графини с подругой не осталось незамеченным.

Многочисленные мужские глаза, будь то в партере или в ложах, вспыхнули восторженным блеском при виде изящных фигурок. Женская же половина зала разделилась на два лагеря: кумушки на скамьях принялись завистливо обсуждать цвет, покрой и цену платьев этих модниц, а обиженные дамы в ложах всем своим видом стремились показать, что такое эффектное появление перед собравшимся обществом не произвело на них ровно никакого впечатления.

Жанна и Рене в свою очередь принялись сверху насмешливо осматривать собравшихся, не забывая при этом очаровательно улыбаться благородным сеньорам и рыцарям.

– Смотри, смотри! Эта старая клуша, тетушка Аделаида, воображает, что сейчас начало века. Посмотри, какие рога из кос она себе накрутила! А эти ужасные грубые шпильки в ее жидких волосенках?! И отсюда видно, что ни на одной нет даже маленького камушка или жемчужинки! – Жанна хихикнула в круглый веер.

– Ну и воротник у нее, как деревянная колодка! Наверное, поэтому она так чопорно себя держит, словно курица на яйцах, – добавила Рене, любезно улыбаясь тетушке Аделаиде. – А что это за гордычка с выпяченным подбородком? Вон, в правой ложе. Я ее не знаю.

– А-а, эта... Бланш де Нешатель. Она с севера. Должно быть, гостит у дяди. Смотри, смотри, делает вид, что нас не видит. Помнишь, на день святого Людовика нас отпустили домой, а после того, как виноград убрали, в Градиньяне была ярмарка? А на поле около бенедиктинцев устроили большой турнир. Тебя тогда не было, а мы сидели в одной ложе. Так она мне все уж прожужжала, что ее бабка – незаконнорожденная дочь Карла VI, или VII, не помню уже. Да и не важно! Сплошное вранье! Всем известно, что ее почтенная бабушка – дочь суконщика из Брюгге. Я ей рассказала про н а ш у родословную, так она сразу заткнулась!

– Неужели дочь суконщика?!! Фи, как это низко и подло... А почему ее дед женился на простой горожанке?

– Да он, бедняга, и не знал. Она как-то подцепила нищего дворянчика из Австрии, а уже овдовев, вышла замуж за Симона де Нешатель. Вот скандал-то был, когда узнали, кто она на самом деле! А Бланш, говорят, каждое утро сбрасывает волосы надо лбом на два пальца, аристократка суконная. Представляешь?

– Да-а... А издали посмотришь, – голубая кровь, герцогиня, да и только! Дочь суконщика, надо же! – Рене фыркнула в веер и принялась осматривать очередную жертву. – Посмотри, неужели та белесая крыса и есть хваленая англичаночка шевалье Аржанона? Она что, в монахини собралась? Вся в сером, как мышь!

– Да ну ее! – отмахнулась Жанна. – Лучше посмотри, какой красавчик пожаловал! – показал она на вошедшего мужчину.

* * *

Жаккетта в этот час тоже не скучала.

Итальянец удалился вслед за дамами, и после его ухода горничные и камеристки обступили ее со всех сторон, горячо поздравляя с победой. Своим простым и добродушным характером Жаккетта многим пришлась по душе, и ее искренне жалели, видя, как ополчилась против нее Жанна. Но, боясь, как бы неприязнь хозяйки не перекинулась и на них, девушки старались не общаться с новенькой, тем более что управляющий поселил ее отдельно, в маленькой каморке наверху.

В самый разгар веселья притопала крошка Аннет – весом с доброго бычка – и передала приказ идти всем вниз помогать готовить зал для пира.

Спускаясь в зал, девушки подробно обсуждали приехавших актеров. Бойкая Маргарита уже договорилась с управляющим, что остатками яств с пира попотчуют труппу вместе со слугами. управляющий уже положил глаз на гибкую акробатку и поэтому охотно согласился.

– Вот и славненько! – заключила Маргарита. – Остатками ужина попируем, остатками косметики накрасимся, а Жаккетта остатками сил нас причешет. Чем не праздник?

Камеристки прыснули и стали выкладывать ей в передник свою добычу. Пока мессир Марчелло и Жаккетта колдовали над волосами, не одна баночка с белилами или румянами поубавила свое содержимое в коробочки служанок.

Все Маргарита отнесла в свою каморку, где в страшной тайне хранилось величайшее сокровище – осколок зеркала.

(Получен был этот кусочек при весьма драматических обстоятельствах: бедовая Маргарита давно с интересом приглядывалась к господским зеркалам и как-то раз решительно уронила одно из них. Скандал получился громадный. После порки спина девушки заживала несколько недель. Все остальные камеристки два дня держались за исхлестанные щеки, но один осколок из покоев мадам Изабеллы бесследно исчез.)

– Быстрее шевелитесь! – встретил девушек на пороге зала управляющий. – Остальные заняты, столы ставьте, скатерти стелите – накрывать пора!

– Успеет, господин Шевро, – успокоила его тетушка Франсуаза, неся большую стопу скатертей. – Пусть парни нам козлы расставят, – не женское это дело, такую тяжесть таскать, а столешницами мы уж сами накроем.

Жаккетта носила вместе с крошкой Аннет массивные столешницы и радовалась суете, царящей вокруг. Она не особо задумывалась над тем, что произошло, но чувствовала, что стала в замке своей.

* * *

... Вошедший красавец был никто иной, как барон де Риберак, главный соперник дю Пиллона в деле завоевания женских сердец. Из-за плохой дороги он запоздал и явился сразу к представлению.

Взглядом профессионала барон окинул женскую половину зала, уловил бурный всплеск интереса к собственной персоне, надменно усмехнулся и, наконец, заметил девушек на балконе.

Одинокое скучавшие дамы в ложах восторжествовали, страстно надеясь, что красавец барон присоединится к ним. Де Риберак оценивающе осмотрел их лица, еще раз бросил взгляд на балкончик и, чуть снисходительно раскланявшись в сторону мадам Изабеллы, неожиданно развернулся и исчез за дверью.

Не успели Жанна с Рене удивиться такому странному баронскому поведению, как на лестнице, ведущей к балкону, раздался топот сапог. Через минуту великолепный барон появился перед девушками, сжимая могучей дланью тощую шею трясущегося от страха слуги.

– Мое почтение, прелестные дамы! – густым красивым басом прооркотал де Риберак. – К моему негодованию, я увидел, что здешние мужчины – жалкие трусы! Они, как овцы в загоне, сбились за хлипкой загородкой и оставили двух самых очаровательных в мире девушек погибать в одиночестве на полуразрушенном, просто опасном для жизни балконе! Пресвятая Дева, Заступница Пречистая! Одно Ваше слово – и я вызову на бой всех, сколько бы их тут не набилось!

– Могу я идти, господин барон? – просипел полузадушенный слуга. – Я же показал дорогу... Кхе... Кхе... Кхе...

– Можешь!

Барон, не глядя, разжал ладонь и выпихнул лакея в темноту коридора.

Вскоре отдаленный грохот костей возвестил, что слуга достиг конца лестницы.

* * *

Между тем в зале нетерпение нарастало.

На скамьях уже успели перездороваться друг с другом, и теперь все чаще поглядывали на сцену.

В ложах дамы окончательно приуныли, видя, что красавчик сбежал к бесстыжим вертикалкам на балконе.

Но досадная заминка получилась совсем не по вине артистов. Слуга, которому поручили наполнить лампы рамп маслом, перебрал винца, кретин, и, споткнувшись на дрожащих ногах, разлил все масло, паразит! Пришлось срочно бежать за новым, а зрители томились в ожидании. Наконец всё привели в порядок и начали гасить факелы.

Увидев это, барон де Риберак галантно предложил девушкам спуститься в зал. Ведя их по грубым ступенькам, он так хитро расточал веселые, хоть и грубоватые комплименты, что каждая занесла его в свой список сердечных побед.

ГЛАВА III

... Огоньки ламп потрескивали, образуя вдоль сцены неровную сверкающую дорожку, отделяющую реальный мир от волшебного.

На авансцену мячиком выкатился расфуфыренный толстяк и торжественно-завывающим голосом объявил начало представления:

– Благородные господа и дамы! Сегодня Вы, благодаря усилиям нашей скромной труппы служителей искусства, проведете незабываемый вечер! Не впадая в грех лжесвидетельства скажу, что мы прославились своим умением творить прекрасное во многих городах Франции и Италии. От Тосканы до Брюсселя – везде нас встречали бурными восторгами. И восторги эти всегда оправдывались с лихвой! Сейчас мы покажем Вам небольшое представление, где акробаты, жонглеры и фокусники потешат Вас своими удивительными трюками, а вслед за этим Вашим благородным взорам предстанет новая, абсолютно неизвестная во Франции греческая пьеса «Ливистр и Родамна» с драматическим сюжетом, трагическими сценами, но со счастливым концом!

Половина зрителей на скамьях (да и в ложах тоже) ни слова не поняла из этого завывания. Вторая половина догадалась, что сначала будут трюкачи, а потом сказка, но, глядя на махающего, как мельница, руками толстяка, все решили, что будет интересно.

Пока одетые в разноцветные трико акробаты карабкались по длинному красному шесту, катались колесом по сцене, ходили на руках, жонглировали шарами и горящими факелами, а цыганского вида фокусник оживлял жареную курицу, которая до этого мирно лежала лапами вверх на большом оловянном блюде в окружении слив и инжира, политая дивным бархатистым соусом, барон де Риберак ловко вклинил трехногий табурет (кресла для него не осталось) между креслами Жанны и Рене и громовым шепотом, слышным ползалу, принялся комментировать происходящее.

Жанна холодно – благосклонно воспринимала реплики барона, внимательно глядя на сцену, а Рене тихонько смеялась над его остротами в адрес актеров.

Наконец комедианты самыми причудливыми способами покинули сцену, и занавес закрылся.

Перед закрытым занавесом опять утвердился толстяк и теперь уже более человеческим голосом начал рассказывать завязку пьесы.

– Итак, благородные сеньоры, в одной далекой стране жил прекраснейший юноша Ливистр, который был чист душой, как родник и смел сердцем, как сокол. Однажды он увидел во сне юную деву, красивую, как утренняя роза в росе. Ливистр влюбился в нее всей душой и, проснувшись, затосковал по незнакомке. Самые прекрасные дамы той страны не могли рассеять печаль юноши. Отец его, сиятельный герцог, видя, как сын чахнет на глазах, разрешил ему отправиться в путешествие по свету, чтобы любящее сердце привело его к той, без которой он не может жить!

Заинтригованные началом зрители заворожено замерли, глядя в рот рассказчику, и над залом нависла благоговейная тишина.

– Два года странствовал по свету влюбленный юноша и, наконец, попал в благодатную страну. Там, в серебряном дворце Аргирокастрон, Ливистр увидел ту, что полонила его сердце!

Занавес разъехался и взволнованные зрители увидели в углу сцены серебряный дворец Аргирокастрон в виде одинокой башни, увенчанной зубчатым парпетом, сделанный из раскрашенной парусины, натянутой на реечный каркас. В другом углу возвышалась скала, и торчало одинокое деревце. На втором этаже «дворца» было прорезано окошко, обрамленное

широкой деревянной рамой. Из него выглядывала грубо раскрашенная девица – неземная любовь прекрасного Ливистра.

На сцену вышел все тот же толстяк в восточном полосатом балахоне и ярко-малиновом тюрбане с пером. За ним семенил смуглый слуга, тот самый, что показывал фокусы. Он обмахивал толстяка опахалом.

– Дочь моя, благородная принцесса Родамна! – воззвал толстяк девице. – Я вынужден оставить тебя одну и на время покинуть наш серебряный дворец Аргирокастрон, дабы встретить в гавани египетский флот, на котором в нашу страну приплыл египетский король!

– Хорошо, отец мой, благородный король Крис! Дни нашей разлуки покажутся мне годами! – довольно равнодушно отозвалась девица.

Папочка-король, сопровождаемый слугой, важно удалился в левую кулису, а из правой вышел прекрасный Ливистр, довольно смазливый парень пажеского вида в обшитом кружевом коротеньком плаще и маленькой круглой итальянской шапочке. За плечом у него болтался небольшой колчан со стрелами, а в руке он сжимал крохотный лук.

В полном изнеможении Ливистр оперся о скалу и принялся вытирать несуществующий пот.

Увидев в башне свою долгожданную неземную любовь, он, сначала бросился перед ней на колени, а затем принялся с помощью лука обстреливать красавицу записочками.

Прекрасная, но неприступная Родамна всякий раз инстинктивно вздрагивала, когда обвязанная бумажкой стрела вонзалась рядом с ее ухом в деревянную раму, а потом, с величайшим презрением, не читая, рвала послание и выкидывала обратно стрелу.

Сраженный усталостью двухгодичного скитания и твердостью гордой красавицы, несчастный Ливистр изящно опустился на пол сцены у дерева и, приняв грациозную позу, заснул.

Любопытная, как и все женщины, Родамна не удержалась и вышла посмотреть поближе на настырного воздыхателя. Судя по выразительным жестам, зрелище потрясло принцессу до глубины души. Но тут юноша зашевелился, и Родамна опять удалилась в свой серебряный дворец Аргирокастрон.

Освеженный сном Ливистр с новыми силами бросился на штурм неприступной твердыни.

Он привязал к очередной стреле новое послание и опять пустил её в Родамну. Но теперь надменная принцесса развернула письмо, беззвучно шевеля губами, прочитала и, глядя в зал, громко продекламировала:

– К небу взывала я, клялась облакам, земле и воздуху, что никогда не склонюсь перед силой любви! Теперь же я вижу, что гордыня моя сломлена, что свободная доныне становлюсь я рабой твоих желаний!

Общий женский вздох зала подтвердил мудрость этого откровения.

Ливистр переместился к краю сцены, чтобы его было лучше видно и слышно, и в таком же возвышенном тоне ответил возлюбленной:

– Клянешься небу и облакам... Но ведь ты сама частица этого неба, рожденная облаками и спустившаяся на землю с небес!

Ободренный предыдущим успехом, барон де Риберак попытался комментировать также и пьесу, но Жанна решительно пресекла эти попытки, прикрыв губы барона своей узкой ладонью. Де Риберак замолчал, но от языка слов перешел к языку жестов, прикрыв ладоньку Жанны своей и нежно ее целуя.

* * *

На сцене страсти бушевали вовсю.

В разгар нежного объяснения влюбленных некстати появился король Крис в компании со смуглым и тощим египетским королем Вердерихом и предложил дочери выйти за гостя замуж во имя благоденствия родной страны.

Прекрасная Родамна наотрез отказалась и сообщила удивленному папаше, что любит Ливистра и только его, и предложила благородным рыцарям сразиться за ее руку и сердце.

Покладистого короля Криса такой вариант тоже устраивал, и он охотно согласился на поединок.

Храбрый Ливистр, конечно же, наголову разгромил хилого египтянина и тот с позором удалился. А великолепный победитель преклонил колено перед королем Крисом и торжественно попросил руку его дочери.

Добрый король с радостью согласился, пригласил дочь спуститься к ним из серебряного дворца Аргирокастро и под деревцем торжественно соединил руки образцовых влюбленных.

Занавес закрылся.

Под бурные восторги зрительного зала первая часть спектакля окончилась.

Вылезший из занавеса толстяк пообещал, что завтра покажут вторую часть пьесы, еще более интересную, чем первая. Зрителей это очень обрадовало, и они шумными криками выразили свое одобрение.

Ободренный таким успехом толстяк потрусил в ложу к мадам Изабелле и сообщил ей, что труппа во время пира может, разумеется, за отдельную плату, разыграть с помощью марионеток забавные сценки из жизни королевского двора и покойного короля Людовика.

Графиня первым делом узнала цену, поколебалась и, махнув рукой на непредвиденный расход, согласилась.

ГЛАВА IV

В тонкостях моды и хорошего вкуса камеристки разбирались получше своих хозяек. Маргарита и так, и этак крутилась перед небольшим осколком зеркала, тщательно располагая нужным образом складки платья. Убирая перед представлением госпожу Изабеллу, она и вполовину так не старалась. Платье, конечно же, было не шелковым и без шлейфа, запрещенного простолюдинам, но издалека не хуже королевского!

Аньес пудрила Жанниной пудрой свое миловидное, обрамленное природными локонами личико. Отпихнув Маргариту от зеркала, она посмотрела на себя и, довольная результатом, стала белить и румянить всех желающих.

Шарлотта торопливо выдергивала щипчиками ненужные волосы, добиваясь безупречно тонких бровей, и, попутно, внимательно осматривала подбритый до нужной высоты лоб.

Поднимая юбками пыль, принеслась Анна-Мари с долгожданным сокровищем: она тайком, в отсутствие госпожи Изабеллы проникла в ее заветную шкатулочку с благовониями и надушила кусок полотна бензоем.

Теперь этот благоухающий кусочек осторожно разрезали на лоскутики и спрятали в склянку, за исключением нескольких, которые девушки поместили каждая по своему разумению: кто замаскировал в прическе, кто засунул в вырез на груди.

– Жаккетта, ты чего в углу, как мышь, затаилась? – Аньес вытащила Жаккетту в центр каморки.

– Да нет у меня ничего такого нарядного! – отмахивалась Жаккетта. – Я лучше посмотрю.

– Как это посмотрю?! – возмутилась Маргарита. – Ты теперь не какая-нибудь горничная, ты – камеристка госпожи Жанны, а значит должна быть на высоте. Аньес, тащи свое красное платье, и нижнюю рубашку захвати! Жаккетта, садись на табурет!

Девушки столпились вокруг силком усаженной Жаккетты и принялись обсуждать, как лучше принарядить ее.

– Лоб низковат! – авторитетно заявила Шарлотта. – Всего четыре пальца, а нужно шесть. А еще лучше восемь, но сейчас подбривать некогда, не успеем... И, извини, конечно, Жаккетта, но посмотри на благородных дам, что нынче собрались. Самые красивые – госпожа Жанна, госпожа Рене, госпожа Бланка, госпожа Анна. Видишь, какие они все худые, да бледные? Это очень красиво!

– Отстаньте от девки! – заявила тетушка Франсуаза, появляясь на пороге каморки. (Аньес была ее младшей дочкой.)

Тетушка принесла несколько платьев и стала примерять их к Жаккетте:

– Никаких ей ваших выкрутасов не нужно. Мало ли как благородные дамы выглядят – вы-то, прости Господи, не благородные! Раскудахтались тут: толстая, не толстая. Одно дело – господское тело, а другое – крестьянское. Много ты с такими благородными мослами у очага настоишь или в поле напашешь? Главное, чтобы мужики на твоё тело поглядывали, а парней у Жаккетты, небось, поболее чем у тебя было, дорогая Шарлотта!

Тетушка Франсуаза выбрала самое широкое платье и вручила его Жаккетте.

– На вот! А этим вертихвосткам не верь, им бы все графинь, да баронесс изображать, нахватались в покоях благородного лоска. Ну не смех? Аньес прискакала, красное, говорит, для Жаккетты возьму. Да оно же на тебе по швам треснет!

– И все-таки лучше бы красное, но и это неплохо... – оглядев принаряженную Жаккетту, решила Маргарита. – Ладно, пойдёмте глянем, что там на пиру делается.

* * *

Пробраться к залу, где пиоровало высокое общество, оказалось очень трудно – все подходы к дверям и окнам были забиты слугами. Быстро сориентировавшись в ситуации, Маргарита повела девушек к боковой двери, которую оккупировали свободные от караула охранники замка.

– Ребята, мы тоже хотим посмотреть! – звонко крикнула она.

– Смотри, какие красотишки пожаловали, прямо клумба с цветами! – балагуря и отпускавая грубые, но очень точные комплименты, солдаты расступились и пропустили девушек поближе.

Дверная арка была явно недостаточной для такого количества людей. Жаккетту сжали со всех сторон пахнущие кожей и дегтем солдатские тела, а впереди она упиралась носом в обтянутые синим платьем ребра Шарлотты и ничегошеньки не видела.

– Эта славная малышка слишком низка, чтобы из-за наших спин что-то увидеть! – прогудел над ухом Жаккетты Большой Пьер, тот самый, что в одиночку поднимал, вращая ворот, подъемный мост замка.

Не успела Жаккетта и охнуть, как он вскинул ее на свое широкое плечо. Теперь она разглядела весь зал.

Вдоль длинных сторон зала располагались столы для публики попроще. Тех, кто во время представления сидел в «партере». А в конце зала на возвышении разместились гости из лож.

Такого наплыва народа лет десять не было и тарелок не хватало. Поэтому, следуя похвальной старинной традиции, гости, сидя попарно – кавалер с дамой – вкушали яства с одного блюда.

Молодых это устраивало, пожилых не всегда: тетушку Аделаиду посадили за одну тарелку с господином д'Онэ, а он, как на грех, отличался пристрастием к жгучему перцу. Тетушка же Аделаида перец терпеть не могла и весь вечер с кислым лицом ковыряла с краешка жаркое, всем своим поведением показывая, что мирской удел для нее слишком тяжок.

Барон де Риберак окончательно угнезвился около Жанны, и довольная мадам Изабелла уже подсчитывала в уме, когда же лучше всего сыграть свадьбу.

На другом конце зала, напротив «высоких» столов, актеры установили ширму и небольшую сцену и с помощью грубо вырезанных марионеток вовсю посвящали восхищенных зрителей в самые сокровенные тайны королевского двора.

Как раз в этот момент показывали очередную скандальную историю. Кукла в темной мужской одежде, но с короной на голове, говорила кукле в женском платье и остром колпачке, изображающем эннен⁶:

– Дочь моя, благородная принцесса Жанна, сейчас твой законный супруг Людовик Орлеанский придет исполнять свой священный супружеский долг.

– Хорошо, отец мой, – покорно говорила Жанна и, припадая на один бок, шла к сделанной из реек кровати и забиралась на нее.

С другой стороны появлялись четыре солдата с пиками, которые под конвоем вели Людовика Орлеанского.

Нацелив на узника пики, они заставляли принца тоже забираться на кровать к принцессе.

Сверху спускалась занавесочка, изображающая балдахин, и солдаты вставали по углам кровати на караул, а король, под дикий гогот пирующих, подсматривал в щелочку.

⁶ Эннен, или эннен, или генин – женский головной убор знати в виде конуса, достигавшего высоты до 70 см.

Затем король торжественно объявлял:

– Супружеский долг исполнен!

Занавесочка приподнималась. Принц, как затравленный заяц, спрыгивал с кровати и, сломя голову убегал. А принцесса оставалась сидеть, закрыв лицо ладонями.

Пирующим эта скабрзная пьеска так понравилась, что они требовали повторить ее еще раз.

В дверях представление тоже комментировали на свой манер:

– Ну и падаль этот король, надо же родную дочь так позорить! И чего это он над ними так измывается? Прямо сарацин какой-то!

– А это который король? Неужто нынешний? А, может, вообще не наш?

– Ну, ты и скажешь! Наш это король, только не нынешний Карл, он еще совсем молоденький, а папаша евойный, Луи который. Ну, Людовик Одиннадцатый. А принцесса, надо понимать, сестрица сейчасного короля.

Большой Пьер в молодости повертелся с покойным графом и в Бургундии, и в королевских землях, и знал эту пикантную историю. Поэтому он охотно объяснил суть ситуации:

– Вишь, этот Людовик Орлеанский – первый наследник на королевство после покойного короля Людовика сына Карла, если у Карла, опять же, наследник не родится. Карл-то у нас нынче король, а тогда он еще под стол пешком ходил. За то, что трон может к Орлеанскому перейти, король Людовик-то принца и не взлюбил. А Жанна его, младшая дочь, калека – калеккой. Вот король-то и задумал их поженить, чтобы деток у них не было. А чтоб святейший отец это безобразие не прекратил, король таким манером их сводил: мол, живут честь по чести, все как положено. Но как только Людовик на небеса отправился, Орлеанский и на пушечный выстрел к жене не подходит. Так она, бедняга, соломенной вдовой и живет, пока муж под чужие юбки лазит. Нечего второй раз на эту пакость смотреть, сменяться пора. Пошли, ребята!

Он бережно спустил Жаккетту на пол, и, топая на весь коридор, пошел в казарму. Жаккетта тоже не стала задерживаться и отправилась на кухню, потому что после всей этой суеты и беготни у нее от голода отчетливо урчало в животе.

* * *

Ночная пирушка прислуги и актеров по изысканности манер и тонкости обращения с дамами ничуть не уступала господскому пиру. И актеры, и камеристки понимали толк в благородном поведении.

Длинный стол посередине кухни ломился от объедков, и еще много всяких вкусностей пряталось до времени в буфете.

Во главе стола восседал толстяк и задавал тон всему веселью. Сидевшая неподалеку Шарлотта зазывно стреляла в его сторону карими глазами.

Мужская часть прислуги (очень, кстати, немногочисленная) допущенная на этот праздник жизни, чувствовала себя несколько неуютно, видя такое великосветское обхождение и слушая напыщенные разглагольствования толстяка:

– Позвольте нам выразить сердечную признательность за такое теплое отношение к скромным служителям муз. Хотя мы и привыкли присутствовать на королевских и герцогских пирах и получать заслуженные награды из рук самых благородных людей Франции, но и такие сельские застолья греют душу актера своей простотой и искренностью. А посетить здешний солнечный край, знаменитый своими винами и красавицами (он сделал поклон в сторону зардевшихся от удовольствия камеристок) было вдвойне приятно не только нашим кошелькам и желудкам, но и, конечно же, душам! Поэтому я не устану рассыпаться в благодарностях радушным хозяевам сегодняшнего пира...

Через четверть часа на оратора перестали обращать внимание и занялись своими делами, а через полчаса, когда толстяк сделал краткую паузу, чтобы промочить пересохшее от словесных извержений горло, он заметил, что никто, кроме подсевшей поближе Шарлотты, не слушает и его внимание полностью переключилось на взирающую на него с немым восхищением девушку. Простодушно хлопая ресницами, она задала давно волнующий ее вопрос:

– Господин Лакруа, скажите, а у придворных дам лоб слишком отличается от моего?

На что толстяк нежно взял ее ручку в свои пухлые ладони и, глядя ей в глаза, проникновенно сказал:

– Душечка моя, ни у одной благородной дамы, будь то даже королевы, принцессы крови и герцогини, я не видел такого чудесного, безупречного своей чистотой, высотой и линиями лба!

Огонь торжества в глазах Шарлотты мог посоперничать с пламенем факела!

Актеры были почти в полном составе: отсутствовали лишь Ливистр, Родамна и самые красивые акробатки, которые, наверняка, предпочли кухонной попойке приятное времяпрепровождение в обществе отдельных благородных особ.

Покровительствуя сегодняшнему собранию, управляющий замка надеялся, что его достойная, частенько прихварывающая супруга по своему обыкновению рано ляжет спать и он сумеет повеселиться в компании с хорошенькой танцовщицей Жоржеттой, чьим согласием он уже успел заручиться.

Но в самый ответственный момент, когда почтенный господин Шевро примостился около кокетливой красотки и, поднатужившись, пытался выдать лихой комплимент, на пороге кухни возникла дородная госпожа Шевро и изъявила желание присоединиться к присутствующим, положив тем конец всем радужным мечтам супруга.

Несчастному управляющему пришлось проводить жену к столу, после чего он уселся рядом с ней и под насмешливым взглядом Жоржетты принялся заливать своё горе вином. Чуть посидев за столом, супруга управляющего увидела, что ее половина быстро превращается в бочонок позапрошлогоднего «Шато Монпезаф», сочла, что общество для ее положения, все-таки, низковато и увела господина Шевро домой.

Их уход только развеселил сдружившуюся компанию.

На столе, между блюд, кубков и кувшинов важно расхаживала жареная курица фокусника. Сейчас она была жива-живехонька, только ни перьев, ни пуха на ней не было. Чтобы Ниннетта – так называл ее фокусник – не застудила свое прекрасное тело и выглядела не хуже прочих квочек, он обрядил ее в странный лоскутный балахончик, из которого торчала только ее лысая голова и голенастые лапы.

Фокусник сидел рядом с Жаккеттой и, приобняв ее за плечи, распевал веселую, не совсем приличную песенку, отбивая такт кружкой.

– Милая, у тебя такие круглые, удивленные глаза. С моей стороны неучтиво не разрешить тебе задать вопрос. Спрашивай! – закончив песенку, сказал он.

– Как ты оживляешь курицу? – спросила Жаккетта.

– Тебе, прекрасное создание, на все вопросы мироздания отвечу я, но не на этот! – продекламировал фокусник и, отхлебнув полкружки, пояснил:

– Это страшная тайна! Давай договоримся: при следующей встрече я ее тебе раскрою!

– Хи-и-итрый! – обиженно протянула Жаккетта. – Знаешь, что никакой следующей встречи не будет – вы сюда теперь сто лет не заглянете! Небось, всем так обещаешь. А откуда ты родом?

– Надо же, и в такой глуши встречаются сообразительные девушки! – расхохотался во весь голос фокусник.

– Я родился в дороге и в дороге помру. Я живу под звездой, и с звездой по жизни иду! Я – Франсуа, чему не рад, ведь ждет петля злодея, и, сколько весит этот зад – узнает эта шея! Заметь, первые строки сочинил я сам, последнюю – мой тезка, весельчак Франсуа Виньон, который, наверное, давно болтается в петле. Как и предрекал. Конечно, положи руку на сердце, надо сказать, что соединение «живу» и «по жизни» не совсем удачное. Что поделать, хотя мы оба Франсуа, но старик Виньон пишет, почему-то, лучше. Кстати, у меня появилась гениальная мысль, маленькая аквитанская красавица. Давай прихватим этот славный кувшинчик, пойдем в твою лачужку и будем любить друг друга нежно и страстно. Хочешь?

– Не-е! – решительно отказалась Жаккетта. – Ты мне нравишься, Франсуа, правда нравишься... Но сегодня я так умаялась, что не могу двинуть ни рукой, ни ногой. Сейчас я просто хочу спать. Одна.

– Малютка! А ты высказала еще более прекрасную мысль, чем моя! – неожиданно обрадовался фокусник. – Только нелегкий долг галантного кавалера и слава неутомимого бойца на сердечном поле подвигли меня сделать тебе такое предложение! Честно говоря, я тоже больше всего хочу просто выспаться. Но в нашем углу сегодня это невозможно и, кроме того, у этой пьяной братии всякий раз к концу попойки возникает ужасная идея по-настоящему зажарить и съесть мою драгоценную Нинетту. Не найдется ли у тебя скромного пристанища двум бедным странникам на эту ночь? – он скорчил такую жалобную рожу, что Жаккетта рассмеялась.

– Ладно, – сказала она. – Если тебя устроит куча соломы...

– Благодареньица!!! – заорал фокусник. – Припадаю к твоим стопам. Цып-цып-цып-цып-цып, Нинетта, сюда!

Он схватил подошедшую курицу и, показывая на Жаккетту пальцем, громко ей прошептал:

– Она святая!

Затем, сгребя в свой мешок остатки еды и прижав к груди почти полную флягу, сказал:

– Веди же нас в это райское место!

Пирушка явно угасала. Кто, упившись, лежал под столом, кто из последних сил продолжал тянуть остатки вина. Большинство парочек уже разлетелось по укромным уголкам, а последние оставшиеся тоже собирались уходить.

Жаккетта привела фокусника в свою каморку.

Он тут же с блаженным видом растянулся на соломе, а ошипанная Нинетта примостилась рядом. Не обращая на него внимания, Жаккетта забралась под свое покрывало. Когда она почти заснула, с соломы раздалось:

– Но завтра, если ты захочешь убедиться в моих достоинствах пылкого и галантного кавалера, коими не брезговали даже очень знатные дамы, я всецело к твоим услугам, дорогая!

– Я подумаю-ю-у... – сквозь сон ответила Жаккетта.

* * *

Аквитанская ночь была хороша.

Ярко светила луна и под ее волшебным светом большая часть замка была погружена в беспробудный сон.

Но в саду, примыкающему к дамским покоям, для этого времени суток наблюдалось весьма оживленное движение народа.

Барон де Риберак, залегший в кустах в очень изысканном наряде, с неодобрением наблюдал, как какая-то мужская фигура штурмует стену здания.

Пока барон размышлял, не конкурент ли это, и не стоит ли остудить его пыл, фигура, цепляясь за каменные финтифлюшки и плети плюща, добралась до второго этажа и исчезла в окне спальни баронессы де Шатонуар.

«Вот теперь и мне пора», – решил барон.

Внезапно, из соседних кустов выбралась вторая мужская фигура и направилась к стене. Де Риберак узнал вечного соперника дю Пиллона.

– Ах, недоносок! – прорычал разъяренный барон и, выскочив из засады, преградил дорогу наглomu ловеласу.

– И куда это Вы собрались, шевалье? – ласково осведомился он. – Костюмчик помнете, ни к чему это. У Вас их и так немного.

– У меня свидание с графиней и я на него попаду! – сквозь зубы процедил дю Пиллон, готовясь к обыкновенной плебейской драке: никакого оружия при нем не было.

– Да-а? – издевательским тоном спросил де Риберак. – А она об этом знает? Насколько мне помнится, за графиней ухаживаю я. И не без успеха. Так что с дороги!

– Да Вы что, барон, с ума рехнулись?

Даже при зыбком свете луны было видно, что лицо дю Пиллона покрылось пятнами.

– Вы же госпоже Изабелле и пары слов за вечер не сказали! С Вашей стороны это уже не наглость, а тупость!

– Э-э, господин дю Пиллон, да мы, оказывается, штурмуем с Вами разные крепости! – расхохотался барон. – Вы – старшую, я – младшую. Желаю успеха!

Больше не обращая на шевалье никакого внимания, он полез накатанной дорожкой по плющу к окну Жанны. Но несостоявшийся соперник был полегче, и первым добрался до своей цели.

* * *

Сердечный друг графини, паж-красавчик Робер хозяйским шагом, со скучающей миной на безусом лице направлялся в покои мадам изабеллы.

«Опять эта липучка будет козочку изображать, дура старая,» – привычно думал он, берясь за ручку двери и готовясь к тому, что мадам Изабелла, как обычно, бросится к нему навстречу.

Но дверь не поддавалась – она была крепко заперта с той стороны.

Полчаса Робер топтался у входа в спальню, не решаясь громко стучать, чтобы не разбудить нежелательных свидетелей.

После получасовых умственных и физических усилий он понял, что открывать ему сегодня не собираются, и в полном расстройстве чувств побрел обратно.

* * *

Барон преодолел последние метры до желанного окна и, подтянувшись на сильных руках, перекинул тело через подоконник.

Жанна лежала на широкой деревянной кровати, украшенной изящной резьбой и, несмотря на теплую ночь, была до горла укрыта богато расшитым покрывалом монастырской работы.

Она не спала и внимательно смотрела на влезавшего в комнату де Риберака.

Опытный в таких делах мозг барона просигналил своему владельцу, что что-то здесь неладно, но барон решил не отступать и бросился на колени у изголовья кровати.

– Только преклонение перед Вашей божественной красотой заставило меня совершить сей дерзкий поступок и явиться в ночной час в Вашу спальню! – пылко воскликнул он привычные слова.

– Господь с Вами, барон! – насмешливо улыбнулась Жанна. – Если бы все, кто преклоняется перед моей божественной красотой, повинувшись этому благородному порыву, пробрались сюда, то здесь дышать было бы трудно. Так что, смею надеяться, Вас привело желание не только преклоняться?

Сбитый с толку де Риберак замер, не зная, как оценить такое заявление: как поощрение его действий или наоборот.

Жанна откинула покрывало, и барон с удивлением увидел, что она лежит полностью одетая – в домашнее, но достаточно официальное платье, безо всякого намека на фривольность.

Поднявшись с кровати, Жанна аккуратно обошла коленопреклоненного кавалера и подошла к окну. Посмотрев на луну, она села в стоящее рядом с окном кресло, расправила подол платья и приказала:

– Рассказывайте, зачем Вас сюда занесло.

Пытающийся правильно сориентироваться в ситуации де Риберак очень медленно поднялся с колен и опустился в кресло напротив.

– Я прошу Вашей руки, графиня! – торжественно-печальным голосом возвестил он.

– Очень хорошо... – судя по тону, это сообщение Жанну ничуть не удивило, не огорчило и не обрадовало.

– И как Вы представляете нашу совместную жизнь? Вы понимаете, о чем я говорю?

– Я прекрасно понимаю, графиня. У меня прекрасный замок и неплохие земли, дающие хороший доход. С Вашим приданым получится солидный фьеф. В Аквитании Вам не будет равных, и Вы сможете держать не очень большой, но изысканный двор, – в тон Жанне официально ответил барон.

Жанна ласково улыбнулась де Рибераку и спросила:

– Значит, как я поняла, дальше Гиени Ваши мысли не распространяются, и Вы не считаете, что кое-что в нашем краю можно было бы изменить? Ведь графства, как такового, уже больше нет и большая часть земель, которые я могла унаследовать, после войны отошла короне. Но дело не безнадежно...

– Зачем? Я люблю наш край виноградников и песчаных дюн и ненавижу все эти придворные штучки-дрючки. Что корона захватила, то она не отдаст. А наши соединенные земли значительно перекроют бывшие размеры графства. Но Вы меня, право, поразили, госпожа Жанна! Редко встретишь женщину такой красоты и такого ума! – успокоенный барон решил от скучных деловых переговоров (кстати, довольно странных для юной девушки!) перейти к более волнующим темам.

«Скорее всего, Жанна просто из тех девиц, которым прежде всего нужны уверения в законности галантных намерений со стороны кавалера. Боится продешевить, вот и предприняла такой экстравагантный демарш, маленькая дурочка!» – насмешливо подумал он.

Но Жанна выпрямилась в кресле и, холодно глядя в лицо де Рибераку, отчеканила:

– Земли Ваши не так обширны и дела Вашего баронства не так блестящи, как Вы это представляете! А при отсутствии честолюбивых устремлений Вы на всю жизнь останетесь всего-навсего захолустным дворянином даже с моим неплохим приданым! Меня это не устраивает, и я отказываю Вам! Покиньте мои покои!

– Жанна! – воскликнул ошарашенный барон. – Вы рассуждаете не как юная благородная девица, а как старый ломбардский купец! Брак – это соединение двух сердец, а не двух кошельков! Подарите мне эту ночь и утром, клянусь, Вы измените свое решение!

– Или через месяца три-четыре, когда новенький барончик де Риберак будет весело прыгать в моем чреве! – ехидно подхватила Жанна. – Большое спасибо!

– Пресвятая владычица Эмберская! Подобные слова больше пристали прачке, чем графине! – рявкнул взбешенный отпором де Риберак.

– Я не знаю, как отвечают прачки на подобные предложения... – абсолютно спокойно отпарировала Жанна. – Но, судя по всему, Вы частенько слышали из их уст отказы, поэтому я охотно Вам верю. Спокойной ночи, барон! Долг учтивого кавалера – повиноваться желаниям дамы, а мое желание Вам известно.

Благородный барон был учтивым кавалером лишь до определенного предела. Он небрежно развалился в кресле и надменно спросил:

– Прошу прощения, прекрасная дама, но я немного запамятовал, о каком желании идет речь?

– Господин де Риберак! Не будьте смешным и не заставляйте меня прибегать к крайним мерам. Если сегодня я не выплусь, то завтра меня будет шатать от усталости. И я, конечно же, совершенно случайно, могу задеть Ваш шлем, выставленный перед турниром⁷.

Угроза была очень серьезной: такой поступок Жанны был бы равен публичному заявлению, что де Риберак вел себя недостойным для рыцаря образом и по строгим правилам турнирного искусства ни один уважающий себя рыцарь не скрестил бы с бароном копья. А если бы барон все же рискнул показаться на ристалище, то его бы прилюдно опозорили.

Поэтому барон процедил сквозь зубы:

– Прощайте, прекрасная дама! – и направился к окну.

Когда уже все его тело переместилось наружу, на стену, и только голова торчала над подоконником, де Риберак напоследок сообщил Жанне:

– Хотя всю вашу женскую породу я изучил вдоль и поперек, но в жизни такой расчетливой и холодной особы не встречал. С подобными замашками Вы далеко пойдете, божественное создание! Или может дьявольское?

Невозмутимая Жанна подошла к подоконнику со словами:

– Я так и сделаю, барон! – и нежно поцеловала его в лоб и очень обидно рассмеялась.

– Ну и ведьма! – только и нашелся де Риберак.

⁷ За день, до начала ристалищных боев, участники выставляли свои щиты с гербами и шлемы для всеобщего обозрения в зале.

ГЛАВА V

Когда Жаккетта думала, что предыдущий день был тяжелым, то она глубоко заблуждалась.

Чуть свет всех камеристок созвали в кладовую нарядов. Заспанные, зевающие во все горло девушки медленно собрались, недоумевая, что они тут забыли в такую рань?

Появилась свежая, как после прогулки, Жанна и велела:

– Маргарита! Неси одеться и причеши! Остальные доставайте все мои платья, отрезы шелков! Да быстрее шевелитесь, куры заспанные!

Под ее ледяным взглядом проснулись даже самые невыспавшиеся и кинулись открывать сундуки.

Голосом полководца на поле брани Жанна командовала:

– Оставьте синее, лазоревое тоже, зеленое не пойдет, белое обязательно... Куда, дура, понесла?! Оставь, говорю! Розовое положи рядом с белым!

Когда платья были отобраны, пришел черед и шелкам.

Подбирая по цвету подходящие к нарядам, Жанна рассуждала вслух:

– У меня на завтра четыре платья. По два рукава – это восемь штук. Так. Более-менее приличных рыцарей на турнире будет около тридцати, значит, двадцать пять минимум.

– Никак у госпожи Жанны помутнение рассудка! – шепнула злая от недосыпа Маргарита нервно хлопающей глазами Аньес. – С чего это она так уверена, что господа ринутся за ее рукавами, словно за пасхальными булочками?

Тем временем Жанна закончила расчеты и приказала:

– К синему и лазоревому – по три пары рукавов, к белому и розовому – по четыре. Отправляйтесь наверх и пока работу не закончите, чтобы ни одна и носа не смела высунуть! И никому не открывайте, кто бы не стучал!

– А госпоже Изабелле? – пискнула испуганная Аньес.

– Матушке – в первую очередь! – отрезала Жанна. – Молчите, словно вас и нет!

– Да мы же с голоду помрем! – заявила хмурая Маргарита.

– Не помрете! Обед тетушка Франсуаза вам принесет. А я приду с ней и проверю, заслужили вы его или нет. Да смотрите мне! Чтобы швы были аккуратными, а к платьям приметывайте на самый тонкий шелк, чтобы сразу отрывалось, не как у дурочки Бланки!

Камеристки, взяв в охапку платья и ткани, понуро побрели наверх.

Весь день насмарку – и это когда в замке актеры! Ну не подло?!!

– А что это за дурочка Бланка? – тихонько спросила Жаккетта у Аньес.

– Да в прошлом году был большой турнир в Бордо. А эта Бланка поздно узнала, и ей не успели рукава специальные сделать, над какими мы сейчас до утра пластаться будем. А платье, мне потом ихняя кухарка говорила, ей из бабушкиного перешили. Шелк-то произвешал за столько лет. Стала она избраннику рукав отрывать, да с рукавом весь перед и оторви! Вот смеху-то было!

Но сейчас девушкам было не до смеха.

Маргарита с ожесточением кромсала шелка и парчу, кроя заготовки. Жаккетта крупными стежками сметывала, а Аньес, Шарлотта и Бриджитта в три иглы стачивали рукава. Но все равно дело двигалось очень медленно.

– Когда настроения нет, так хоть не берись... – Шарлотта со вздохом стала вставлять новую нитку в иглу. – Сегодня даже пальцы как чужие! Так мы и за три дня не управимся. Везет же Анне-Мари: сегодня она госпожу Изабеллу утром оденет и до вечера свободна...

Маргарита вырезала последний рукав и с яростью шваркнула ножницы о каменный пол.

– Мы – как каторжники на галерах!!! Тех хоть за преступления взяли, а нас за что?! Я есть хочу, провалиться им всем со своим турниром! Вон уже к завтраку трубили⁸...

– Вот погоди, скоро хозяйка заявится и скажет, что наша работа никуда не годится. Она явно что-то задумала, видели, как из глаз молнии бьют? – «утешила» ее Шарлотта, с пятой попытки попав ниткой в ушко.

– А может, и госпожа Изабелла нагрянет... Вот скандалу-то будет! Госпожа Жанна не зря нас раньше не дергала: так бы и дала ей госпожа графиня лучший шелк по ветру пускать. А теперь госпожа Изабелла занята... И такое обилие рукавов у дочки будет на турнире для нее бо-о-ольшим сюрпризом, вот увидите! Она эти шелка хотела на выходное платье пустить, а мы крайними будем!

Уныние облаком нависло над комнатой. Казалось, девушки шьют не воздушные одеяния, а грубые паруса. Почему-то ломались иголки, рвались нитки, и работа двигалась вперед черепашими шажками. Низко склонив головы над ненавистой работой, камеристки молчали.

* * *

– Пресвятая Анна! Глазам не верю – целая куча скромных овечек шьет и молчит! Чур меня, чур! Это колдовство! – раздался знакомый веселый голос.

Как по команде подняв головы, девушки увидели удобно расположившегося на подоконнике фокусника с объемной корзинкой в руках. От неожиданности они побросали шитье и с визгом кинулись врассыпную.

Но бежать было некуда: Жанна лично заперла дверь, и камеристки сгрудились в самом дальнем от окна углу комнаты. Все, кроме Жакетты, сразу узнавшей своего постояльца Франсуа.

– Чего вы? – крикнула она подругам, спокойно продолжая шить. – Это ведь фокусник, ему раз плюнуть.

– Моя маленькая швея, меня восхищает твоя слепая вера в мои безграничные возможности, но увы... Это не чудо, а работа моих же бедных, усталых конечностей! – отозвался с окна Франсуа и спрыгнул на пол.

– Я надеялся на более теплый прием. Ведь, кроме того, что я доставил вам счастье лицезреть меня, я также доставил подкрепление для ваших голодных животиков...

Услышав последние слова, девушки с точно таким же визгом кинулись обратно.

Франсуа с блаженным видом принимал их восторги и подставлял щеки для поцелуев.

Через минуту все рукава были скинуты со стола, и на их месте развернулся веселый пир. Горести вмиг забылись и жизнь опять стала прекрасной!

Фокусник королем сидел в торце стола и, подкрепляя свои слова винцом прямо из фляжки, рассказывал:

– Эти утром я проснулся, томимый двумя нуждами. Первую я скромно опускаю, нечего про малую нужду распространяться, тем более, что я давно ее справил. А вот вторая нужда была куда величественней: восславить доброту приютившей меня Жакетты! Но принцессы не было в замке, и кровать ее давно успела остыть...

– Держать ночью надо было крепче! – вернула пришедшая в прежнее жизнерадостное состояние Маргарита.

– Милая дама, Вы меня обижаете! Я честно предложил Жакетте галантный турнир, но она отказалась, слава Богу, чему я был очень рад, так как сил поднять копьё у меня не было... Увы! Но сегодня я грозный боец и предлагаю все желающим дамам поединок во

⁸ В замках к трапезе призывали звуком рога или трубы.

имя Любви! Это к слову, а наша баллада продолжается. Томимый голодом я спустился в кухонный рай, где добрая женщина по имени Франсуаза поведала мне грустную историю, о том, как злой дракон похитил и заточил в неприступную башню пять наипрекраснейших дев. Мое горячее сердце не могло не возмутиться такой несправедливостью и, подкрепившись восхитительным местным блюдом – бобами с «гасконским маслом» – я преисполнился решимостью проникнуть в цитадель и спасти плененных дев от тоски и голодной смерти. К Вашим услугам, прекрасные дамы, я – Ваш преданный рыцарь и трубадур:

Боярышник листвою в саду поник
Где донна с другом ловят каждый миг

Вот-вот рожка раздастся первый клик!
Увы, рассвет, ты слишком поспешил...⁹

Я хотел бы усладить Ваш слух подобными балладами и канцонами¹⁰, но, увы, цитра в корзину не влезла. Позвольте же стать Вашим менестрелем и развлечь вас прелестной и поучительной историей о Флуаре и Бланшфлер! Берите-ка в свои крохотные проворные пальчики иголки и разрешите покорному слуге занять вон ту симпатичную подстилку.

– А что сегодня в театре будет? – спросила Аньес, опять загружая стол шитьем.

– О! Сегодня мы продолжим пьесу о Ливистре и Родамне, и там я буду играть далеко не последнюю роль. Советую посмотреть – король бы не отказался!

Франсуа растянулся на коврик в углу, где громоздились кучи лоскутов, подложив под голову мешок с тряпьем.

– Ну да! – отозвалась Маргарита. – Король, может, и не отказался, а мы от силы семь рукавов сделали. Еще больше двадцати осталось. Не успеем.

– С такой прекрасной историей, как моя?! – возмутился фокусник. – Вы и опомниться не успеете, как нашьете платьев на всю округу! Это вам не какое-нибудь простонародное фаблио¹¹, а настоящий благородный рыцарский роман!

– Ух ты! – воскликнула Бриджитта. – Я страсть как люблю такие романы слушать. Сразу представляешь себя королевой или там прекрасной дамой, и рядом красавчик рыцарь в разноцветных перьях, совсем как мессира де Риберака на прошлом турнире!

Она приложила к себе белое платье, к которому пришивала рукав, и, подражая походке мадам Изабеллы, павой прошла по комнате.

– А по мне лучше простые истории... – пробурчала себе под нос Жаккетта. – Веселей слушать, а в этих романах одни вздохи, да слезы рекой!

Но ее никто не услышал.

– В давние-давние времена жила-была в Риме благородная супружеская пара, – начал свой рассказ Франсуа. – Все у них было: и любовь, и достаток, но не имели они детей. И печальные муж с женой уже готовились встретить одинокую старость...

– Бедненькие-е... – шмыгнув носом, прошептала Аньес. – И то правда, счастье не счастье без детишек.

– Но однажды супругам было чудесное видение: во сне к обоим спустилась с золотого престола Пресвятая Дева, протянула им прекрасную белую розу и сказала: «Если вы совершите паломничество к святому Жаку в Компостеллу, то он даст вам дитя!» А когда они проснулись, то увидели, что на розовом кусте, стоящем на окне спальни, распустилась белая

⁹ Перевод В. Дынник

¹⁰ Кансона или канцона – песня-посвящение Прекрасной Даме

¹¹ Фаблио – средневековый народный рассказ, новелла

роза! Возблагодарив Господа и Деву за это чудо, супруги с небольшой свитой присоединились к паломникам, идущим в Компостеллу.

Вот теперь иголки действительно мелькали в руках. Затаив дыхание, девушки слушали звучный голос Франсуа.

– Но только паломники прошли перевалы, на них напал свирепый король сарацин Филлипп и всех их захватил в плен. Муж не вынес тягот плена и скончался, а его благородную супругу взяла простой служанкой сарацинская королева Лариса. Королева почувствовала в своей горничной знатную даму и приблизила ее к себе. В одно время они родили: королева мальчика, а римлянка девочку. Но королева родами умерла, и римской сеньоре пришлось выкармливать сразу двух младенцев.

– Помня о своем видении, о Деве и Белой Розе, она назвала дочку Бланшфлёр, а новорожденного принца назвали Флуаром. С рождения они росли вместе и, повзрослев, пылко друг друга полюбили. Но свирепый и коварный король сарацин взбесился от ярости, когда узнал о дружбе своего сына с дочерью пленницы-служанки. И решил навсегда разъединить влюбленных!

– Подлюка! – смахнула слезу Бриджитта, у которой в жизни была подобная драма, если заменить прекрасного принца краснощеким увальнем, а свирепого сарацина пузатым мясником.

– Король призвал к себе Флуара и повелел ему направиться в соседнее королевство, населенное такими же неверными, и при тамошнем дворе учиться благородному искусству править государством. Не смея отказаться, Флуар в великой печали пошел к любимой с грустной вестью. Обливаясь горькими слезами, они сидели в саду у фонтана, и прощались. Бланшфлёр дала возлюбленному волшебное кольцо, которое становилось тусклым, когда ей грозила беда, и они поклялись друг другу Пречистой Девой, что будут верны своей любви до гроба.

Уже не одна Бриджитта украдкой смахивала слезы. Крепилась только Маргарита, но и она покусывала губы.

– Не успел принц со свитой выехать за ворота города, как кольцо стало тусклым, как старая миска. Вихрем вернулся Флуар во дворец и в ужасе увидел, как его любимая стоит на костре и палач готовится поджечь поленья. Разметав стражу, принц освободил уже бесчувственную девушку и понес ее к королю, требуя справедливости. Хитрый король сказал, что одна из служанок обвинила Бланшфлёр в колдовстве. Но добрые люди притащили эту мерзкую старуху к трону и все увидели, что настоящая ведьма она сама! Королю Филлиппу ничего не оставалось делать, как снять с девушки обвинение и затаить свою злобу под добрым обхождением. Успокоенный принц уехал, не подозревая об отцовском коварстве.

– Король сарацин дождался, пока не прибыл гонец с известием, о том, что принц благополучно добрался до соседнего королевства, а потом тайно продал Бланшфлёр левантийским купцам. И когда Флуар, предупрежденный кольцом, добрался до дома, его любимая была уже далеко. Безутешный юноша пустился в долгое странствие, чтобы отыскать свою даму сердца. Много стран, населенных самыми разными людьми прошел он, пока, наконец, не достиг великого города Вавилона. Там, на базаре, он услышал рассказы о прекрасной, как белая роза, девушке-пленнице, которая отвергла любовь грозного эмира и теперь заточена в высокую башню. Каждое утро эмир посылает красавице корзину цветов, стремясь смягчить неуступчивое сердце. Флуар бегом направился к башне эмира и там, подкупив за сто золотых флоринов стражников, забрался в корзину.

– Счастью Бланшфлёр не было предела, когда она увидела своего любимого среди колючих роз. Забыв обо всем на свете, они бросились друг к другу в объятия, и предались самой упоительной, самой сладостной любви, которую только можно представить!

Франсуа сам увлекся своим рассказом и уже не лежал на подстилке, а вихрем носился по комнате, махая руками, и скаля гримасы, чтобы лучше изобразить описываемые события.

– Но в разгар страсти в комнату ворвались стражники с эмиром во главе. Эти продажные твари, иуды, не имеющие понятия о чести и истинной вере, отправив Флуара в башню, тут же ринулись к своему хозяину, надеясь и от него получить сто монет. Разъяренный эмир приказал сжечь влюбленных на костре в присутствии всего города. Их облачили в грубые дерюги и сковали одной цепью. Посадили на грязную повозку и под нещадно палящим солнцем повезли на базарную площадь, где уже горел костер высотой с ваш донжон!

Слезы по нежным щечкам текли рекой. Девушки, заслушавшись, незаметно завершили работу и теперь полностью упивались рассказом, искренне переживая все приключения героев.

– Эмир повелел явиться на казнь всем придворным, всем зажиточным людям той страны, всем иностранным послам и купцам. Янычары скинули пленников прямо в огонь, как вдруг из толпы вельмож выступил посол из страны короля Филлиппа. Он узнал давно пропавшего принца! Посол загородил янычарам путь и спросил эмира, по какому праву он хочет сжечь наследника престола его, посла, государства и невесту наследника?!!

В коридоре раздались негромкие шаги, и чуткое ухо актера уловило их. Прервавшись на полуслове, он громким шепотом объявил:

– Кажется, идет огнедышащий дракон! Милые дамы, разрешите откланяться!

Франсуа схватил корзинку с пустыми фляжками и мисками и исчез за окном. И когда уже даже вихров его не было видно над подоконником, девушки услышали последние слова:

– Влюбленные поженились и жили долго и счастливо. А Флуар стал ко-ро-лем!!!

Когда Жанна вошла к своим узницам, даже в ее непробиваемом алмазном сердце шевельнулась какая-то жилка укора: девушки сидели с грустными, залитыми слезами лицами над грудой сшитых рукавов, а в углу красовалось четыре полностью готовых платья.

– Ну, чего разнюнились? – холодно бросила она, стараясь скрыть чувство неловкости. Идите-ка на кухню, перекусите, а вечером скажите Большому Пьеру, что я разрешила, и он проведет вас на балкончик.

Вот так, благодаря вовремя пущенной слезе, камеристки получили возможность не хуже самых благородных особ насладиться спектаклем.

* * *

Поскольку девушки не были вчера на представлении, свободный от караула Большой Пьер охотно остался с ними, и объяснил им сюжет и характеры действующих лиц:

– Вот эта вертлявая – главная и есть. Ейный папаша, ну вон тот толстяк, что сейчас на подмостках торчит, полностью у дочурки под каблуком. Кинулся ей женихов искать, да видать бестолковый совсем: нашел какого-то хмыря тощего, да басурмана к тому же! Дочка-то давно поняла, что на старика надежда слабая, засела на самой верхотуре и давай молодцов выглядывать. Вон тот размалеванный, в кудрях, мимо проходил. Отдохнуть остановился – она шасть к нему и охмурила враз. А тут папаша с хмырем подроспели. Эта стерва женихов лбами и столкнула: «Желаю, говорит, посмотреть, кто из вас меня поболее достоин!» Они друг дружку мутузили-мутузили, но размалеванный дохляка-хмыря все-таки замочил. Тут папаша малость ожил и молодец с дочкой повязал, обвенчал, то есть.

Получив такую исчерпывающую информацию, девушки уже не путались в героях, и наравне со всеми с интересом следили за дальнейшим развитием событий.

Как и было обещано ранее, сюжет опять завернулся в тугую петлю.

Тощий хмырь – египетский король Вердерих – не забыл ни чар красавицы, ни обиды поражения, и коварно похитил прекрасную Родамну из супружеских объятий.

Как точно заметил Большой Пьер, Родамна, несмотря на красоту, была сама хозяйка своей судьбы. Менять прекрасного Ливистра на полудохлого египетского владыку она совсем не желала, не взирая на все его сказочное богатство и безграничную власть. Ничуть не запугали ее и угрозы, визгливо выкрикиваемые Вердерихом. Улучив удобную минутку, она поменялась со служанкой плащами, и спокойно покинула место заточения.

В это время возле серебряного же дворца Аргирокастро́на шел военный совет. Ливистр решил отправиться в дальний путь в сопровождении вовремя появившегося друга Кливтоса.

Покинув дворец Вердериха, практичная Родамна не кинулась наобум в родные земли, а решила немного поправить своё финансовое положение и в относительном комфорте дожидаться любимого супруга. Поэтому из гордой принцессы она безболезненно превратилась в бойкую хозяйку придорожной гостиницы на оживленном перекрестке. Расчет Родамны был верным: каким бы путем супруг не направился на ее поиски, миновать перекресток он не мог.

Тем временем доблестные освободители находились уже в непосредственной близости от гостиницы, но упорно неглядевший под ноги Ливистр запнулся об единственный булыжник на сцене, да так и остался лежать около него, томно стеная прямо в зал.

Кливтос кинулся за помощью к гостинице, но, увидев там смазливую хозяйку, решил чуть подзадержаться и познакомить ее с интересными эпизодами своей биографии. Родамна в вполуха слушала, больше озабоченная, если верить ее лицу, расчетами, сколько же содрать за ночлег с подвернувшегося постояльца, но при упоминании имени Ливистра дикой кошкой кинулась на ошарашенного Кливтоса.

– Где он?! Где он?! Как ты мог бросить его одного, о чужеземец?! – кричала Родамна, вцепившись в испуганного такой реакцией Кливтоса и, внезапно вспомнив, что она еще и принцесса, лишилась чувств.

В конце концов, благодаря титаническим усилиям друга Ливистра супруги смогли соединиться вновь и обрести столь долгожданное счастье.

Такой хороший финал зрители встретили бурными воплями одобрения и большая часть зрителей уже обдумывала, как на протяжении долгих лет они будут много-много раз рассказывать эту прекрасную историю по вечерам у очага, каждый раз добавляя:

«...– И клянусь Святым Причастием, я видел это сам, в театре, в тот год, когда госпожа Жанна вернулась из монастыря!»

* * *

– Глядите, глядите! Этот Кливтос-то – Франсуа! – Маргарита все-таки разглядела под толстым слоем грима истинное лицо Кливтоса.

Девушки загомонили. Теперь пьеса показалась еще интересней. если это только возможно: ведь такую важную роль в ней сыграл человек, который еще утром спас их от голода и скуки.

Чудеса, да и только!

– Пойдемте, красавицы, пойдемте! Вам завтра еще раньше вставать, чем сегодня! – Большой Пьер каким-то загадочным образом знал все, что происходит в замке, но предпочитал особо не распространяться...

Вслед за ним камеристки заторопились с балкона. Всем им резко захотелось спать.

Причиной тому была даже не физическая усталость, а соприкосновение за один день аж с двумя произведениями искусства.

ГЛАВА VI

Наконец наступил долгожданный день турнира. После скоротечной утренней мессы благородное общество устремилось на ристалищное поле, безупречно сделанное по любым строгим турнирным правилам.

На огороженном, вытянутом прямоугольнике было где развернуться и паре рыцарей, и всем участникам сразу (в стычке отряд на отряд). Двойная изгородь надежно защищала участников от азартных зрителей, а трибуны для знати и скамьи для простого люда позволяли в полную меру насладиться захватывающим зрелищем (да и себя показать во всей красе).

Для рыцарей-участников около коротких концов поля были поставлены шатры, а сразу за почетными трибунами такие же шатры были раскинута для полуденного отдыха дам.

В рыцарских шатрах оруженосцы последний раз проверяли доспехи и оружие своих господ, наводя окончательный лоск на и без того сверкающую амуницию. А в роскошном шатре графинь де Монпеза́ (над которым гордо реял фамильный белый единорог) уже с раннего утра сидели камеристки Жанны и в тайне от остальных, держали наготове платья, нитки и иголки – оружие, которым их хозяйка намеревалась сразить собравшихся.

Все трибуны, скамьи и пространство перед внешней оградой быстро заполнились народом. Дамы уже успели осмотреть друг друга, но лишь так, на скорую руку, потому что на поле выехали разодетые герольды.

Герольды, по обычаю, объявили условия турнира и рыцарей-участников. Главным рыцарем-зачинщиком был, конечно же, никто иной, как барон де Риберак: он считался не только отъявленным сердцеедом, но и лихим рубакой. Поэтому он первым появился на ристалище и направился к трибунам собирать сладкую дань из рукавов и сердец.

Зрители приветствовали его восторженными криками, отдав должное как былым турнирным подвигам барона, так и его роскошным доспехам и наряду. Облаченный поверх фигурных отполированных лат в яркую красно-желтую тунику, всю в фестонах и зубчатых вырезках и увенчанный над шлемом султаном великолепных страусовых перьев, также выкрашенных в алый цвет, барон казался объатым пламенем.

Трепещущие дамы отвязывали, отпарывали, с мясом вырывали свои рукава и вешали их на копье рыцаря. Их красноречивые взгляды говорили, что в придачу к этим кусочкам парчи, шелка или бархата они отдают красавцу воину и свои нежные сердца.

Объехав половину трибун, барон собрал неплохую жатву, и его турнирное копье стало напоминать палку-вешалку какого-нибудь торговца вразнос женскими фитюльками.

Наконец, неаполитанский боевой жеребец (разукрашенный не хуже хозяина) неторопливым шагом доставил барона к центральной трибуне, которую занимали хозяйки праздника.

На фоне кричащего разноцветья трибун Жанна резко выделялась из общей пестрой массы. Она была одета в ослепительно белое платье с тонкой золотой вышивкой, затянутое тяжелым золотым поясом, а ее роскошные локоны, слабо перевитые жемчужными нитями, падали на грудь и были единственным, но неотразимым украшением.

– Фи... Будто в траур вырядилась, крыса белобрысая! – откомментировала этот наряд из соседней трибуны Бланш де Монфуа. – Тоже мне, белая королева¹²! – но в ее словах зависти было больше, чем правды.

¹² В средневековой Франции вдовствующие королевы носили траурные одежды белого цвета. (Белый цвет у многих народов изначально считался цветом траура.) Это продолжалось вплоть до вдовства Анны Бретонской, которая впервые надела черное траурное платье.

Мужской же половине Жанна казалась ангелом, спустившимся с небес. Между тем барон де Риберак поравнялся с трибуной, почтительно приветствовал мадам Изабеллу и, держа копьё вертикально вверх, подчеркнуто пренебрежительно проехал мимо Жанны.

В наступившей тишине отчетливо ступали конские копыта.

Подъехав к соседней трибуне, де Риберак медленно склонил копьё перед растерявшейся от такого неслыханного счастья Бланш.

Даже если бы в центре поля шлепнулось невесть откуда взявшееся раскаленное ядро, даже это не произвело бы такого переворота. Еще бы! Почти готовый жених первой невесты округи демонстративно ее объезжает! Пахнет пикантным скандалом!

Бланш лихорадочно отдирала заветный рукав, изо всех сил улыбаясь барону. Наконец, присоединив и свой трофей к разноцветному вороху, она горделиво выпрямилась, послала де Рибераку воздушный поцелуй и обернулась в сторону поверженной и всенародно втоптанной в грязь задаваке в белых тряпках, демонстративно поправляя левой рукой (с которой так не хотел отрываться верхний рукав) затейливую прическу.

Но втопанная в грязь задавака, казалось, и не заметила, что барон проехал мимо нее и улыбалась направо и налево какой-то очень довольной улыбкой, от которой Бланш даже заташнило.

– Ну и нахалка! – прошипела Бланш сидящим рядом подругам. – Воспитанная дама хоть в обморок бы упала, а то и вовсе прямо с турнира в монастырь ушла, а этой бесстыднице и горя мало! Ну да пусть теперь посмотрит как МОЙ де Риберак победит всех рыцарей и поднесет мне корону королевы турнира!

Она опять села и, расправляя юбки, продолжила:

– Я, правда, всегда знала, что эту кривляку бросит, как поближе узнает. Ведь у нее ни рожи ни кожи, только спесь одна! А мужчинам нравится природное благородство манер и изысканное изящество, недаром моя бабка – плод любви нашего государя Карла V и моей прабабки, уж король-то дурнушку не выберет, хоть она там какая угодно графиня будет! – просвещала Бланш полностью с ней согласных подруг. – Да и Жанна только хорохорится на людях, наверняка на душе кошки скребут. Вон ее прилипала Рене как скисла! Та-то попроще.

Кроткая Рене и в самом деле испугалась такого баронского демарша и, чуть не плача, шептала Жанне:

– Господи, да что же он, чуть не в лицо тебе плюнул! Позор-то какой!

– Да успокойся ты, курочка боязливая! – решительно оборвала ее причитания Жанна и весьма довольным тоном добавила: – Все идет расчудесно! Бедняга де Риберак точно такой дурак, как я и думала. Видишь, как наши клуши зашевелились? Бланш на подушке, как на сковородке вертится! Скоро юбки на заду от волнения протрет. Вон какие гордые взгляды бросает – Агнесса Сорель¹³, да и только!

Весть о небывалом инциденте сладким яблоком упала в души участников турнира. Каждый рыцарь сообразил, что хваленый сердцеед получил отпор и лелеял теперь надежду на благосклонность Жанны, выраженную в виде заветного кусочка шелка. Только правила выезда на ристалищное поле удерживали рыцарей от того, чтобы не кинуться всей толпой наперегонки к ложе графинь де Монпеза.

Выехавшие вслед за де Рибераком шевалье дю N и шевалье де L чуть не галопом ринулись к центральной трибуне. Жанна величественным движением оторвала и вручила каждому рыцарю по рукаву, снабдив рукава напутствием:

– Я вручаю, мой благородный рыцарь, с этим знаком расположения к Вам и свое сердце! Сражайтесь доблестно, во славу и защиту моей чести!

Рыцари отъехали с твердым намерением открутить де Рибераку шлем вместе с головой.

¹³ Агнесса Сорель – знаменитая красавица пятнадцатого века. Любовница Карла VII, имевшая на него большое влияние.

К великому изумлению соседней трибуны, других рукавов под оторванными (как у большинства красивых дам) у Жанны не оказалось. А на поле выехало еще несколько рыцарей.

– Тю-тю рукава-то! Нечего больше на копья вешать! – злорадствовали юные дамы, готовясь одарить избранных.

Но Жанна внезапно исчезла и через минуту сидела в кресле уже в новом платье.

По накалу страстей подобного турнира никто припомнить не мог. Большая часть зрителей, не отрываясь, смотрела, как рыцари потоком текут к ложе графинь и Жанна безжалостно отдирает рукава с платья, исчезает и опять появляется уже в новом.

Все, без исключения, рыцари, питавшие хоть крохотную надежду на успех, получили по драгоценному для них куску ткани. Де Риберак, как загнанный волк в кольце флажков, оказался окруженным со всех сторон рукавами Жанны, реющими на копьях соперников.

Наконец, последний участник турнира отъехал от центральной трибуны.

Камеристки в шатре, обессилено свесив руки, сидели в блаженной тишине. Им не верилось, что вся суматоха позади и не надо торопиться, как загнанным ланям, снимать с Жанны одно платье, быстро натягивать другое, прихватывать к сброшенному новые рукава, опять раздевать, одевать, пришивать...

– У меня всю ночь перед глазами иголка с ниткой плясать будут! – пожаловалась Аньес. – Я и сейчас-то глаза закрою, и все по новой вижу. Надо же! С госпожой Жанной не соскучишься, не то, что с госпожой Изабеллой!

По сути, турнир еще и не начинался, а у зрителей сложилось впечатление, что самая главная схватка уже состоялась. Как бы то ни было, но его, все-таки, следовало начать, и по отработанному веками ритуалу на поле опять выехали герольды. Не жалея глоток, они объявили, что сегодня состоится первая часть турнира – «joute»¹⁴ – где рыцари будут сражаться один на один. Лучший боец выберет королеву турнира, а завтра участники будут сражаться отряд на отряд и королева турнира вручит приз победителю.

Затем вперед выдвинулся мессир д'Онэ, устойчиво восседаая на солидном тяжеловозе. За знание всех тонкостей поединков и большой боевой опыт, последние десять лет его всегда выбирали ристалищным королем – то есть распорядителем турнира.

Почти не напрягая горла, он принялся читать текст присяги:

– Слушайте меня, высокородные сеньоры, бароны, рыцари и оруженосцы, кои были на сей турнир! Да будет вам угодно поднять правую десницу к небесам и всем вместе поклясться, что ни один из вас на упомянутом выше турнире не будет разить противника в желудок или ниже пояса. Сверх того, ежели случится с чьей-то головы шлему слететь, то никто из вас того не тронет, пока сей шлем одет не будет, а ежели станете действовать иначе, то лишитесь оружия своего и боевого коня своего и будете при помощи глашатаев изгнаны со всех турниров, кои еще состояться имеют быть. Итак, поклянитесь в том Святой Верой и Вашей честью! – звучные, на старинный манер произносимые слова были слышны во всех уголках поля.

Рыцари поднимали правые руки и дружно прокричали:

– Святой Верой клянемся!

Глашатаи вызвали на ратное поле первую пару: рыцаря-зачинщика барона де Риберака и шевалье дю Пиллона, бросившего ему вызов. Турнир начался.

¹⁴ Joute – поединок (фр.)

* * *

В этот день де Рибераку пришлось несладко. Что до того, что отшлифованные тысячами турниров правила старались как можно лучше соединить две вместе несовместимые задачи: дать возможность бойцам продемонстрировать все их умение и предотвратить убийство. Ведь если противники настроены друг против друга серьезно, то никакие правила не защитят слабейшего бойца.

А слабейшим все чаще оказывался де Риберак. Да, он превосходил по умению, силе и ловкости почти каждого соперника, но ведь вызовы следовали один за другим и бойцовская (да и просто мужская) гордость не позволяла их не принять: в центральной ложе опять в белом платье сидела и насмешливо улыбалась Жанна, вызывая даже у юнцов, обычно далеко стороной обходивших щит матерого барона, дикое желание скрестить с ним копьё, мечи, кинжалы – что угодно, лишь бы понравиться Прекрасной Даме.

Правда, союзников у де Риберака было побольше, чем у Жанны: все юные и не очень юные дамы страстно поддерживали его, но барону-то от этого легче не становилось...

Вот если бы турнир превратился в сельский праздник с состязанием парней на палках, тогда бы дамы, не стесненные строгим воспитанием, предрассудками и условностями высшего общества, задали бы жару этой мерзкой пиявке. Уж они-то воздали бы ей по заслугам: наставили тумачей и шишек и проредили чересчур густую шевелюру, но увы... Приходилось терпеть, стискивать в руках шарфики и бессильно смотреть, как гибнет под численным перевесом та-а-акой мужчина – воистину отрада женских сердец!

Полуденный отдых ничего не решил и пальму первенства в этот раз получил шевалье де Лэглэ, рыцарь Зеленого Орла. Он выбрал королевой, конечно же, Жанну.

Увенчанная старинной (по преданию, сделанной для турниров Черного Принца¹⁵) короной, королева турнира пригласила всех после пира на танцы и, в сопровождении дам, удалилась.

За ней потянулись остальные. Трибуны и лавки пустели, зрители расходились, обмениваясь по пути впечатлениями.

Тетушку Аделаиду судьба, как на грех, опять свела с мессиром д'Онэ.

– Ах, дорогой господин д'Онэ! Современные турниры совсем не сравнить с прежними. Такого блеска уже не будет. И молодые дамы ведут себя просто непристойно, никакого воспитания! – пожаловалась она, чтобы завязать приличный разговор.

– И не говорите, дорогая госпожа Аделаида! Где это видано?! Центральные трибуны заняты девицами, а судей упихнули в боковую. Это же курам на смех! Раньше было строго: судьям центральную, а бабское отродье пусть в боковых сидит, все равно ни черта не понимают! Из-за этого дурацкого места я проглядел, кто первым потерял стремя, когда копьё де Риберака и дю Пиллона разом треснули! Проклятье всем юбкам сразу!

Вот вам и светская беседа...

* * *

Отмокая в чане с горячей водой, барон де Риберак обдумывал события последних часов. Монастырская выпускница и богатая невеста оказалась кладезем неожиданных сюрпризов и непредсказуемых гадостей.

¹⁵ Черный Принц – принц Эдуард, сын английского короля Эдуарда III. В начальный период Столетней войны был английским правителем в Аквитании. Прозван Черным за цвет своих доспехов вороненой стали.

Получить в мужья красивого, умного и достаточно состоятельного рыцаря этой холерной деве мало. Обозвала провинциальным дворянчиком! Ну и гонор... Да любая другая голову бы потеряла от счастья, обрати он благосклонный взор в ее сторону даже без всяких намеков на супружеские узы! Надо же, почти всех участников турнира сумела натравить на него! Как котята кинулись за ее рукавами! Этой заносчивой гусыне надо преподать красивый урок, а для этого нужно, кровь из носу, победить завтра!

Пока барон так размышлял, сидя по шею в мыльной воде, часть прекрасных дам сумела привести в чувство своих ополоумевших от чар Жанны избранников и направить их на путь истинный. Поэтому в отряд де Риберака записалось много хороших бойцов. Увидев это, барон окончательно вернул себе хорошее расположение духа и, отказавшись от публичного ужина и танцев, пошел отсыпаться перед схваткой.

ГЛАВА VII

Второй день турнира начался без происшествий. Мессир д'Онэ отвоевал, все-таки, нижнюю часть центральной трибуны для судей и теперь, довольно потирая руки, приговаривал:

– Уж сегодня-то мы посмотрим на этих голубчиков! Пальчиком незаметно не шевельнут! Ох и люблю я, когда отряд на отряд бьется! Ничего краше в жизни не видел!

Действительно, на такое зрелище стоило посмотреть: кавалькада рыцарей попарно выехала на поле. Там они разделились на два отряда и застыли в противоположных концах, ожидая сигнала.

Замерли зрители, напряженно вглядываясь в стройные ряды и узнавая своих любимцев. Замерли конные оруженосцы, держа наготове запасные копья и готовые тут же примчаться на зов господина. Замерли упакованные в сталь рыцари, готовясь к тому моменту, ради которого и стоит жить на этом свете. Замерли все.

И над этим оцепенением рыкнул бас мессира д'Онэ:

– Руби канаты!!!

Рассеченные полосатые змеи упали в пыль и с тяжелым (как отдаленные раскаты грома) грохотом шеренги схлестнулись и разбились друг о друга на мелкие осколки.

Вот теперь барон де Риберак отыгрался за все свои вчерашние поражения. Он вышибал противников из седла копьем, палицей уминал их роскошные латы в бесформенные комки, превращая грозных кентавров в поверженных божьих коровок. Ни у зрителей, ни у судий, ни у самих сражающихся рыцарей не было и тени сомнений, кто сегодня победитель.

В лучах слепящего полуденного солнца нежная, словно сошедшая с иконы дева вручала мужественному коленопреклоненному рыцарю в алом плаще золотой кубок. Эта идиллическая картинка так и просилась быть нарисованной в каком-нибудь рыцарском романе в обрамлении роскошной рамочки из затейливых узоров, диковинных зверей и прекрасных цветов.

Турнир завершился. Унесли покалеченных, помятых, перегревшихся в глухих панцирях. Оруженосцы бегали от шатра к шатру, ведя переговоры о выкупе коней, оружия и доспехов побежденных рыцарей.

Сами же рыцари, кто был в состоянии шевельнуть хоть какой-нибудь конечностью, собрались в громадном шатре с чанами воды и там, смывая боевую грязь и блаженно потягивая вино, обсуждали прошедший бой. Повседневные заботы, жены, дети, домочадцы, любимые женщины и собаки – все осталось там, за тонкими полотняными стенами. А здесь царила атмосфера настоящего мужского братства, где только удаль и честь имели цену.

«Вот так!» – думал де Риберак, принимая поздравления с победой. – «Я-то доказал, что являюсь рыцарем не на словах, а на деле. А вот вечером я, уважаемая королева турнира, устрою Вам небольшой сюрприз. И посмотрим, выдержите ли Вы испытание на звание первой дамы Аквитании, которую Вы из себя упорно изображаете!»

Турнир закончился, но праздник между тем продолжался.

Простой люд валом валил на свои любимые развлечения: борьбу на палках, поднятие булыжников, лазанье по гладко обтесанному столбу. А главным состязанием была стрельба из лука. На благодатной земле Гиени в дни Столетней войны осело много английских лучников, которые наградили свое многочисленное потомство не только светлыми, а часто и рыжими, волосами, но и пристрастием (да и умением) к этому нелегкому искусству.

Быть может, пышности и благородной учтивости на этих состязаниях было и поменьше, зато веселья от души куда больше!

Пользуясь удачным моментом, чуть в сторонке актеры раскинули свои пестрые подмостки, веселя зрителей сочными, грубоватыми шутками и прибаутками.

Франсуа-фокусник переоделся цыганом и, скаля все тридцать два зуба, передразнивал соревнующихся лучников, борцов и столболазов: с надменным видом долго целился в большую круглую мишень, но попадал, почему-то, в пышную (щедро подбитую паклей) попу Коломбины, напропалую кокетничающей с Турком. Или бессильно прыгал вокруг шеста, изображающего столб, а потом, воровато озираясь и прикладывая палец к губам, подтаскивал к нему лестницу.

Все его движения сопровождалось гоготом толпы. Не смеялись только сами участники состязаний. Фокусник изрядно действовал им на нервы, ловко замечая и безжалостно копируя все их огрехи. Несколько парней сбились в небольшую компанию и в перерыве с помощью глазевшего на представление мальчишки вызвали Франсуа.

Очутившись в окружении могучих, с налитыми плечами, спинами и руками серьезных молодцов, фокусник ни на секунду не утратил ни нахальства, ни самоуверенности, хотя рядом с ними казался тощим и хилым подростком.

Ловким сальто он выскочил из круга и, оказавшись вне досягаемости увесистых кулаков, молча поманил парней за собой. Те чуть растерянно двинулись следом, недоверчиво глядя на выкрутасы акробата и готовые в любой момент кинуться за ним в погоню, если он попытаетсялизнуть.

Франсуа бесцеремонно распахнул толпу у столба, с которого только что свалился очередной неудачник. И, не успели зеваки и рта раскрыть, как он уже обхватил столб руками и ногами, и быстро добрался до вершины. Отцепив заветный мешочек с медяками, фокусник помахал им над головой и, заткнув за пояс, съехал вниз.

Затем, опять же кривляясь, но, не говоря ни слова, Франсуа добрался до стрелков и там остановился, озираясь в поисках лука. Пожилой лучник, с интересом смотревший на его подвиги, протянул фокуснику свой. Не целясь, Франсуа спустил тетиву, и свистящая стрела вонзилась в мишень – пусть не в яблочко, но все-таки ближе к центру, чем к краю.

Покончив со стрельбой из лука, фокусник кивнул в сторону громадных каменюк, которые тягали дюжие силачи (в основном, молотобойцы, мясники и прочие уважаемые люди, постоянно имеющие дело с тяжестями). Он оголил свой тощий торс и, проведя пальцем по выступающим ребрам, как по прутьям корзины, отрицательно покачал головой. Но в искуплении этого неумения Франсуа удивил всю поляну цепочкой акробатических прыжков, кувырков и хождением на руках.

Хмурые лица парней постепенно разглаживались: фокусник и вправду имел право высмеивать неудачливых молодцов. Так уж и быть, учит уму-разуму через спину его не придется.

А Франсуа вытащил выигранный мешочек и, позвенев медяками, впервые за все их знакомство открыл рот.

– Ну, ребята, где тут можно выпить хорошего винца? Угощаю! – сказал он.

И уже лучшими друзьями они направились к ближайшему кабачку.

* * *

К вечернему балу в замке Монпеза готовились особенно тщательно: он был не только послетурнирным, но и прощальным. Завтра гости разъедутся по домам, разнося по своим землям рассказы, сплетни и слухи о прошедшем празднике.

* * *

Мадам Изабелла понимала, что выпустила ситуацию из-под бдительного контроля, но что поделать – неожиданный роман с шевалье дю Пиллоном основательно выбил ее из колеи.

Теперь собственных проблем и переживаний хватало, чтобы еще следить и за Жанной, хотя и затевалось все ради ее замужества.

Совсем неожиданно графиня почувствовала себя не солидной вдовой с взрослой незамужней дочерью на руках, а молодой беспечной девицей, флиртующей направо и налево. И весь турнир, находясь в полной прострации ко всему остальному миру, она напряженно глядела на поле, следя за черно-желто-красными цветами шевалье.

Это любовное приключение заставило ее по-новому взглянуть на отношения с Робером.

Действительно, этот мальчишка, который ничуть не старше, если не моложе Жанны, вообразил себя незаменимым и в последнее время ведет себя с ней, своей благодетельницей, не как с трепетной возлюбленной, а как со старой, давно надоевшей женой. Наглый щенок! А если прибавить к этому все те мерзости с покойным графом, о которых тайком судачат на всех перекрестках и которые, как это не печально, чистая правда...

Боже! Как она была слепа! А ведь сколько этот негодяй вытянул у нее денег, драгоценностей и прочих подарков?! Не-е-ет, определенно дорогой Робер засиделся в пажах!

А за Жанну беспокоиться нечего. Как мило смотрелись они с бароном в момент награждения, да и дю Пиллон шепнул ей на ушко, что в ту ночь де Риберак, как и сам шевалье к ней, спешил в комнату Жанны, а он такой милый, шевалье дю Пиллон, Арман, мой Арман!..

* * *

Вечером звучные рога возвестили начало бала. Гости направились в парадный зал, где из уже ждали хозяйки замка. Под торжественную музыку они важно шествовали парами по направлению к графиням. Ради последнего бала все постарались разодеться в пух и прах. Со дна дорожных сундуков доставались лучшие, надежно спрятанные костюмы, надевавшиеся один-два раза в год.

По традиции, бал открыли старинным каролем. Ведущим был ристалищный король мессир д'Онэ. Как и в турнирных схватках, в кароле дядюшка д'Онэ был большим спецом. Он затянул песню и повел танцоров по залу. «Открытый круг»¹⁶ закручивался в спираль, вился змейкой... То под убыстряющуюся песню неслись вперед, то топтался на месте под тянущий напев.

Да, господин д'Онэ заставил всех попотеть и после такого кароля требовалось время, чтобы придти в себя.

– Вот так танцевали мы в дни моей молодости. Как сейчас помню, в пятьдесят четвертом году я попал аккурат к королевскому двору, когда там давали представление «Пир Фазана». После него так и хотелось нашить на плащ белый крест и отправиться в поход на Святую Землю. Ну и танцы там были, скажу я Вам! Я тогда стоптал свои новехонькие пулены, а ведь только перед пиром забрал их у башмачника! – довольный дядюшка д'Онэ оттирал зубчатым краем консты¹⁷ пот со лба. – Ну а теперь пусть молодежь трудится, а мы, старики, отдохнем!

¹⁶ «Открытый круг» – собственно. так и переводится слово «кароль».

¹⁷ Консты – концы шаперона (головного убора мужчин в виде тюрбана), спадающие на плечо.

Заиграли приглашение к эстампи¹⁸. Барон де Риберак пригласил Жанну с Рене и они образовали первую тройку. Этот танец был внове для большинства присутствующих, поэтому к ним присоединились только три тройки, в каждой из которых кавалер, высоко приподняв руки, вел двух дам.

Танцующие образовали большой квадрат и при первых тактах танцах две тройки, стоящие по диагонали, двинулись друг к другу. Дамы шли церемонными плавными шажками, изящно приподняв спереди подола юбок и волоча по полу тяжелые шлейфы, соприкасаясь с кавалером лишь кончиками тонких пальцев. Встретившись в центре, тройки обогнули друг друга, и вернулись обратно на свои места. Теперь такой же маневр проделали другие. Первая фигура завершилась.

– Ах, как это прекрасно, Беатриса! – восторженно шепнула подруге мадам Изабелла. – Ты не находишь? Как ты думаешь, барон будет неплохим супругом для Жанны?

– А с чего ты взяла, что будет? – спросила мадам Беатриса, поправляя головной убор.

– Но как же, он ведь от нее не отходит! Сама не видишь?! – обиделась грубому вопросу графиня.

Баронесса де Шатонуар удивленно посмотрела на подругу и спросила:

– Милая моя, ты не заболела часом? Уж не знаю, что у них произошло, но на турнире барон как-то забыл принять рукав от своей, как ты утверждаешь, невесты. А она на него чуть охоту не устроила. Да что с тобой, ты же рядом сидела? Кстати, я и не знала, что у тебя водятся такие прекрасные шелка. Я и в Париже таких не видела.

– Какие шелка? – машинально спросила мадам Изабелла, чувствуя, что пропустила что-то очень важное и все окружающие видят совсем иную картину бала, чем она.

– А те, что на рукава Жанне пошли. Двадцать восемь рукавов, если я не ошибаюсь... – любезно проинформировала ее мадам Беатриса.

Вот теперь мадам Изабелла припомнила кое-какие вчерашние события, которые она все-таки заметила краем глаза, хоть смотрела исключительно в сторону красавца дю Пиллона. Ей все стало ясно.

Мерзавец барон не поладил с этой негодницей и на турнире вся округа наблюдала, как они выясняют отношения. А мерзавка Жанна, умом пошедшая, конечно, в мать, но характером в своего невыносимого папашу, кидала направо и налево, на любое захудалое копьё рукава из ее, мадам Изабеллиного, лучшего шелка! Сейчас выяснение отношений продолжается, иначе дочь так мило бы не улыбалась, и все это может завершиться громадным скандалом! Господи! Зачем ты придумал детей?!!

– Дорогая, пойдем, подкрепимся! – понимающе глядя на ее искаженное лицо, предложила мадам Беатриса.

* * *

Бал шел своим чередом. Все с нетерпением ждали темноты, чтобы перейти к любимому развлечению. Наконец, за окнами окончательно стемнело, слуги строем внесли в зал пылающие факелы.

Со всех сторон раздались крики:

– Басданс с факелами! Басданс с факелами!

Кавалеры выхватывали у лакеев факелы и приглашали дам, у которых от восторга горели глаза. Танец с факелами должен был вести рыцарь-победитель и королева турнира. Вот этого-то момента и ждал со вчерашнего поражения барон де Риберак.

¹⁸ Эстампи – старинный танец. Танцевался на балах парами и тройками (кавалер и две дамы)

Держа в одной руке факел, а в другой прохладную узкую ладонь Жанны, он встал во главе парной колонны.

Заиграла музыка. Скользящими шагами танцующие двинулись по залу. Де Риберак закрутил первую фигуру и в задних парах раздался женский смех: теперь все следили, как дамы управляют со своими хвостами – ведь высший шик танца дамы состоял в том, чтобы на поворотах красиво закруглить шлейф, не отрывая его от плит пола. Именно в этом танце проверялось, кто настоящая дама, а кто так себе, тщеславная выскочка.

Чутким ухом де Риберак уловил, как подкупленные им музыканты стали играть все быстрее, и в такт музыке ускорил шаг. Ведя танцоров очередным кругом по залу, он начал делать повороты, заворачивая колонну то вправо, то влево. Смех стих. Теперь дамам требовалось все умение, чтобы подчинить своим движениям непокорный край платья. Несколько шлейфов оторвалось от пола к великому стыду их хозяек.

Труднее всего, и это все знали, приходилось Жанне: ведь ее графский шлейф был самым длинным, и управлять шестью локтями весомой неодушевленной ткани было ничуть не легче, чем боевым бронированным, но все-таки живым конем.

Вошедший в раж де Риберак начал закладывать такие виражи, что половина дам окончательно потеряла связь со своими взлетающими над полом хвостами. Но Жанна, как ни в чем не бывало, продолжала танец, с большим искусством управляя тяжелым шлейфом и опять, как на турнире, насмешливо улыбалась. С каждым поворотом улыбка становилась все ехидней и, наконец, она сказала:

– Не нервничайте так, дорогой барон. А то наш басданс с факелами превратится в галоп. И не старайтесь зря: мой шлейф от пола не оторвется. Ведите-ка нас во двор, а то уже скучно восьмой круг здесь топтаться.

Де Риберак уже понял, что испытание Жанна выдержала и дальше он, действительно, становится смешным, и вывел колонну во двор. Музыканты сбавили темп, и напряжение танцующих спало. Опять всем стало весело, и под дружный хохот огненная змейка долго кружила под звездным небом по дворикам и закоулкам замка.

ГЛАВА VIII

Вместе с рассветом, по утренней бодрящей прохладе фургон бродячих актеров покинул гостеприимный замок.

– Побродим по Пуату¹⁹, а там, глядишь, и опять пойдем по Луаре колесить, – решила труппа.

Франсуа сидел на задке повозке в обнимку со своей лысой Нинеттой, а камеристки гурьбой шли рядом с медленно катящимся фургоном, провожая полюбившегося им балагура.

– Эх, красотки! – вздохнул Франсуа. – Если не мой беспокойный характер, я бы остался в вашем благословенном краю. Попивал бы чудесные бордосские вина и любил бы вас на сеновале.

– Надорвался бы, дружок! – расхохотались девушки. – Обещался, обещался все свое умение показать, да так и не собрался! Знать, на ярмарке толстые тетки были слаще, чем мы? Хвастун ты, Франсуа!

– Но, но! Сударыни, только нерасположение к моей персоне всесильных звезд помешало мне проявить всю свою прыть! – отбивался фокусник. – Да и вы, прямо сказать, своим адским трудолюбием не располагали к любовным утехам: хорошо любить девицу, бездельничавшую весь день, тогда она способна достойно ответить на мой безудержный пыл!

– Да ладно, не заливай! Возьми-ка лучше свеженького! – девушки совали Франсуа припасы на дорожку. – Все-таки ваше ремесло хоть и веселое, но уж больно ненадежное и опасное. Мало ли лихих людей на дорогах?

Сложив подарки из девичьих корзинок в объемистый холщовый мешок, Франсуа построил среди россыпей пожитков сонную Нинетту и спрыгнул с фургона.

– Ну все, – объявил он. – Будем целоваться, а то вам обратно пора. Боже мой, ну почему я не петух и у меня нет такой красивой стайки разноцветных курочек?!

Девушки с визгом и хохотом колотили его по спине корзинками, вырываясь из цепких объятий. Не обойдя никого вниманием, Франсуа попрощался с каждой и, напоследок, дополнительно чмокнул Жаккетту в нос:

– Прощай, моя маленькая аквитаночка! Если мои зоркие глаза опять увидят твою сдобную фигурку, то обязательно расскажу тебе секрет оживления Нинетты!

* * *

Чуть попозже начали отъезжать гости благородных кровей.

Первым покинувшим почти родной для себя кров был экс-паж Робер.

За годы пребывания под теплым крылышком семейства де Монпезаф он обзавелся солидными пожитками, и теперь слуги укрепляли на задке и крыше экипажа многочисленные сундуки и дорожные мешки.

Сама графиня, неприступная в холодном величии, с материнской заботой в голосе напутствовала отставного любовника:

– Дорогой Робер! Увы..., но годы твоей юности позади и тебя теперь ждет путь взрослого мужчины. Я, как о родном ребенке, заботилась о тебе, но дети улетают из родительских гнезд. Разумно распоряжайся отцовской землей, так как ее мало и будь дворянином в любой ситуации. Удачи тебе...

¹⁹ Пуату – провинция во Франции, к северу от Гиени. Столица – город Пуатье.

Робер с кислой миной слушал напутствия графини и думал, что этот мир мерзок, несправедлив и жесток. А он-то отдал этой старой козе свои лучшие годы!

Гости и слуги из всех щелей смотрели на такое диво, и многие непосвященные искренне недоумевали, почему это красавчика, цепко державшегося за графинин подол, выпинавают в большой мир.

* * *

А дело было так.

Во время бала мадам Изабелла, разъяренная новостями баронессы, не успокоилась и после принятия большой дозы подогретого вина с пряностями. Распирающий душу гнев требовал какого-то иного выхода и тут на глаза графине попался Робер.

Топчась у закрытых дверей спальни в ту ночь, паж умудрился простудиться и на несколько дней слег в постель, ни сном, ни духом не ведая, какие тучи над ним сгустились.

К балу он малость оклемался, облачился в свое лучшее ми-парти²⁰, и выполз на люди с твердым намерением потребовать у графини объяснений по поводу этого неслыханного инцидента, но сначала хорошенько ее проучить, оказывая внимание хорошеньким девушкам и тем самым вознаградить себя за тяжкий постельный труд.

Увидев, как разноцветные коленки Робера глубоко утонули в пышной юбке молоденькой девушки из окружения Бланш де Нешатель, с которой он уединился в укромной нише, графиня взбеленилась, как хороший андалузский бык.

Она встала позади увлекшейся парочки, чуть не пуская пар из раздутых ноздрей. Если бы глупый паж имел глаза на спине, он бы понял, что судьба его решена окончательно и бесповоротно.

Когда же он все-таки обернулся, мадам Изабелла ласково поздравила его с выздоровлением и сообщила, что огорчена его решением завтра уехать домой, но понимает его чувства, раз он хочет получить шпоры, как и подобает мужчине и стыдится в таком возрасте оставаться пажом.

Ужас и ошеломление от своих великих планов, появившееся на лице Робера, немного порадовали графиню, но бурю гнева не потушили, и она отправилась дальше, горя желанием кого-нибудь покусать.

Гостей от увечий спас шевалье дю Пиллон, очень вовремя ее разыскавший.

Он увлек графиню обратно в освободившуюся нишу, из которой девица отправилась танцевать басданс с факелами, а паж топиться в пруду, и там основательно ее обезвредил.

Так что каждый, в конце концов, нашел занятие по душе: большинство гостей топтало камни двора в колеблющемся свете факелов; графиня и дю Пиллон страстно целовались, полуприкрытые портьерой, а Робер плюхался в липкой жидкой грязи, поскольку перед турниром из пруда спустили всю воду, так как мадам баронесса на прогулке, по ее словам, уронила в него свою рубиновую шпильку...

* * *

... К обеду разъехались все гости. Осталась только баронесса, каждую ночь принимавшая куафера графини и потому решившая погостить в замке подольше.

²⁰ Ми-парти – двуцветная одежда, разделение цветов по вертикали. Классический пример ми-парти – знаменитые средневековые обтягивающие штаны-чулки, одна штанина красная, другая белая.

Объяснения с дочерью мадам Изабелла отложила на завтра: руки Жанны попросило несколько вполне достойных людей и обсуждение этого важного дела требовало свежей головы.

ГЛАВА IX

Повинуясь строгому приказу сверху, с утра пораньше, в каморку к Жаккетте пришла внушительная госпожа Шевро, жена управляющего.

Постно поджав губы, она критически осмотрела комнатку и саму Жаккетту. Потом, медленно цедя слова, сообщила, что Жаккетту переводят в комнату Аньес, чтобы камеристки госпожи Жанны были под рукой и, кроме того, теперь она, Жаккетта, каждый день будет ходить к мессире Ламори для обучения его ремеслу.

* * *

Итальянец занимал отдельную башню, и это никого не удивляло: слишком ценным субъектом для графини был мессир Ламори.

Помимо непривзойденного мастерства в деле украшения женских голов, он кое-что смыслил и в астрологии, впрочем, особо не афишируя это свое искусство, дабы не дразнить волков – сиречь доминиканцев.

Башня его полностью устраивала, там он варил свои тайные притирания и бальзамы, составлял для нужд мадам Изабеллы гороскопы и неплохо приторговывал по мелочам, толкуя за сходную цену сны для всей челяди. Люди куафера²¹ побаивались и без дела около башни не шныряли.

* * *

Чем ближе подходили Жаккетта и жена управляющего к башне, тем медленнее шла мадам Шевро.

Наконец она и вовсе остановилась.

– Теперь не заблудишься! Вон, прямо иди и в итальяшкину дверь упрешься! – махнула госпожа Шевро рукой куда-то вбок и, подозрительно быстро развернувшись, легким галопом, довольно странным для ее лет и комплекции, понеслась обратно.

– Никак на плите что забыла? – удивилась такой резвости Жаккетта и, подойдя к забранной железом двери, постучала по ней ручкой – резным кольцом в виде свернувшейся змеи.

Дверь чуть приоткрылась и сильная мужская рука, схватив Жаккетту за ладонь, затащил ее вовнутрь.

После яркого солнечного света Жаккетте показалось, что она ослепла, так темно было в башне, чьи и без того крохотные оконца-прорези в тесаном камне были закрыты глухими ставнями.

Не тратя времени на разговоры, мессир Ламори тянул ее куда-то вглубь башенки мимо странных предметов на длинных дощатых столах.

Когда глаза девушки немного привыкли к полумраку, она различила вереницу колб, ступок, разноцветных баночек... То тут, то там горели небольшие жаровенки, курясь ароматными дымками, а впереди угадывался большой камин с грудой ярких углей.

Около камина и закончилось их краткое путешествие по башенке. В этом месте, как в центре паутины, находилось сосредоточие жизнедеятельности итальянца.

²¹ Куафер – парикмахер (фр.)

В глаза первым делом бросался большой прямоугольный стол, полностью закрытый алой суконной скатертью и заваленный свитками, книгами и чистыми листами бумаги. Рядом стоял небольшой книжный шкафчик, сработанный местным умельцем, и глобус на громадной ноге. (Графиня специально посылала человека в Брюгге, свято уверовав в теорию мастера, что глобус и удачная прическа неразрывно связаны. Впрочем, так оно, наверное, и было.) К столу было придвинуто высокое важное кресло, а еще одно кресло, даже не кресло, а, скорее, лежанка – мягкое, обитое в тон скатерти красной кордовской кожей – стояло перед камином.

* * *

Куафер, наконец, отпустил руку Жаккетты, и она осталась стоять у стола, с любопытством оглядываясь по сторонам.

Минуту спустя решив, что видала места позапущенней и поинтересней, как, например, чердак старосты, куда позапрошлым летом она лазила с младшими братьями, Жаккетта принялась поправлять сбившуюся верхнюю юбку.

– Cara mia, тебя не пугает эта комната? – спросил внимательно за ней наблюдавший мессир Ламори. – Невежественный местный люд утверждает, что так же выглядит и преисподняя.

– А чего тут страшного? – удивилась Жаккетта. – Преисподняя выглядит совсем не так. Там большие чаны с кипящей серой и черти туда-сюда шмыгают. Ой, извините сеньор, я хотела сказать, что эта комната меня не пугает, – поправилась она, вспомнив о хороших манерах.

– Очень хорошо! – усмехнулся итальянец. – Тогда приступим к уроку. Начнем с малого, и постепенно я выучу тебя всем премудростям, необходимым камеристке знатной дамы.

Он подошел к одному из столов и принялся доставать с висящей рядом полки какие-то скляночки.

– Cara mia, принеси мне с кресла платок! – приказал мессир Марчелло девушке.

Жаккетта послушно подала ему алую шелковую косынку.

«Надо же, все красное!» – подумала она.

Итальянец обвязал косынку вокруг головы и сразу стал походить на пирата.

Он протянул Жаккетте чашечку с порошком и сказал:

– Это мука из люпина, попробуй. Готовишь ее тщательно. Обязательно просеиваешь на самом мелком сите из генуэзской наилучшей кисеи. Смешаешь с соком свеклы, чтобы вышла жидкая каша, и будешь мыть голову госпоже – волосы станут пышными. Все поняла? Теперь приготовь!

Жаккетта послушно терла крупную свеклу, отжимала сок, мешала его с люпиновой мукой и чувствовала, что сама становится похожей на ярко-вишневую свеклу. Пот тек по спине между лопаток, подбираясь к пояснице.

Наконец мессир одобрил приготовленную бурду.

– А госпожа Жанна с этой свеклы не покраснеет часом? – робко спросила Жаккетта, утирая передником мокрый лоб.

– Не бойся, сполоснешь ромашкой – и все в порядке!

Мессир Марчелло похлопал Жаккетту по попке и изящным движением отправил всю эту кашу в помойное ведро.

– Теперь запоминай, что делать, если у госпожи начнут волосы выпадать.

Оказывается, пока Жаккетта воевала со свеклой, куафер закрепил в таганке над жаровней небольшой котелок, в котором уже начала закипать вода.

– Возьми мерную чашечку, вот она, и отмерь одну часть ладана и три части розового масла. Смешай. Вода закипела? Лей!

Жаккетта стала осторожно переливать в кипящую воду сладко пахнущее масло с ладаном, а мессир Марчелло встал за ее спиной, и прямо в ухо ей командовал:

– Теперь сыпь две горсти миртовых листьев и помешай, чтобы все они в воду ушли. Хорошо, подожди чуток... Теперь кидай горсть хмелевых шишек и мешай, мешай. Быстрее!

Жаккетта перемешивала булькающее варево и чувствовала, как ее руки наливаются усталостью.

Неожиданно ладошка Жаккетты утонула в широкой ладони итальянца. Он стал водить ее рукой, заставляя ложку выписывать восьмерки, закручивая в котелке маленькие водовороты. В другой руке мессира Марчелло оказалась небольшая бронзовая кочерга, которой он ловко разгреб угли так, что они стали слабо мерцать, понемногу отдавая свой жар котелку.

– Вот теперь зелье должно долго кипеть на слабом огне, а мы успеем хорошо отдохнуть. Я вижу, как устала маленькая девочка воевать с котелками и терками.

Руки итальянца угнездились на тугой груди Жаккетты, он тесно прижался к ее спине, и принялся страстно целовать в шею около маленького уха. От накатившей усталости и такого неожиданного напора Жаккетта как-то резко ослабла и, полузакрыв глаза, сквозь ресницы смотрела на мерцающие угли жаровни.

В голове ее лениво плавала довольно странная в этой ситуации мысль: «Листья мирта должны быть свежими...»

Тем временем мессир Марчелло очень мягко, но настойчиво разворачивал Жаккетту к себе лицом и, наконец, добившись своего, жадно прильнул к ее губам. Не переставая целовать, он подхватил девушку на руки и понес к креслу у камина...

* * *

«... И святая Агата не помогла!» – мрачно думала Жаккетта, из-под опущенных ресниц наблюдая, как взлетает над ней искаженное страстью лицо итальянца. – «Теперь надо молиться святой Агнессе...»

Мессир Марчелло оказался на редкость страстным и любвеобильным кавалером.

Понемногу и Жаккетта включилась в захватывающую игру, резонно рассудив, что раз святая Агата дело проиграла, а святая Агнесса за него еще не бралась, то она, Жаккетта, предоставлена самой себе, а значит не грех и поразвлечься.

От чистой, гладкой кожи итальянца пахло мускусом и еще чем-то очень приятным, а ловкие руки куафера, оказывается, умели управляться не только с женскими волосами...

Котелок с учебным варевом булькал уже часа три, а прекращать свои атаки итальянец, судя по всему, и не собирался.

«Ну и силен мужик!» – с уважением подумала подуставшая уже Жаккетта. – «А с виду не скажешь. Нашим парням до него далеко!»

Внезапно ее плечо что-то укололо. На ощупь пошарив там ладонью, Жаккетта зацепила какую-то небольшую, но острую штучку в щели между спинкой и сидением и осторожно зажала находку в кулак.

Мессир Марчелло, наконец-то, решил, что на сегодня любви хватит, и с видимым сожалением оторвался от Жаккетты.

Выудив откуда-то из-под кресла бутылочку вина, он налил девушке в изящный, явно из графских запасов, бокал. А сам, особо не церемонясь, принялся употреблять божественный нектар из горла.

Жаккетта потихоньку тянула кларет, отдыхая после такого бурного событиями урока. Разжав ладонь, она украдкой посмотрела на свою находку. В руке поблескивала искорками рубиновая шпилька баронессы де Шатонуар.

Когда куафер пошел проверять котелок, Жаккетта спрятала шпильку в замшевый мешочек на поясе и, убедившись, что он ничего не заметил, принялась шнуровать платье, приводя себя в порядок.

– Смотри, *Saga mia!* Ты приготовила отвар для рращения волос. Его втирают вечером и выдерживают до утра, – мессир Марчелло принес ей котелок.

– Сейчас он будет остывать, а потом я перелью его в бутылъ темного венецианского стекла. Гости разъехались, значит, будем пользоваться этим отваром госпожу Изабеллу. На сегодня все. Мне, как и отвару, надо остыть. Завтра в это же время я тебя жду.

«А мне будто не надо!» – так и вертелось на языке у Жаккетты.

Но она со скромным видом еще раз оправила юбку, проверила все ли на месте и двинулась к выходу вслед за итальянцем, который опять повел ее извилистым лабиринтом между столов, сундуков и прочей дребедени. У самого выхода он нежно обнял ее и припал к губам долгим прощальным поцелуем.

Но потом объятия из легких превратились в весьма ощутимые, а поцелуй больше стал походить на встречающий.

«Неужто все опять по новой?!» – встревожилась Жаккетта.

Но мессир Марчелло, сам удивленный своим порывом, отпрянул от нее и воскликнул:

– Клянусь Пасхой Господней! Ты необычная девушка, малышка! Меня опять тянет к тебе с такой силой, словно я женщин год не видел!

– Да обыкновенная я, обыкновенная! – Буркнула Жаккетта, пытаясь поскорее открыть неподатливую дверь. – Вы, видать, с утра паштета из щуки переели, вот и все. Нормальное дело. До завтра, мессир Марчелло.

Дверь, наконец, поддалась и Жаккетта с облегчением выскочила на свежий воздух.

Отойдя подальше от башни, она присела на камушек, и принялась размышлять, что же делать дальше:

«Итальянец теперь от меня не отстанет, это ясней ясного. Но он мужик вроде неплохой, хоть и ученый больно. А вот что со шпилькой делать?»

* * *

Из-за этой шпильки перед турниром осушили пруд и долго-долго обшаривали дно, а баронесса, закатив глаза и заломив руки, с надрывом рассказывала, как она гуляла по саду и решила полюбоваться водой с мостков, когда рубиновая безделушка выскользнула из ее прически.

* * *

«Значит, госпожа Беатриса гуляла не по саду, а по креслу итальянца попой, это как пить дать. Сунешься к ней с находкой – она визг на весь замок поднимет, ежели правду скажешь. А коли соврешь, что из пруда... Так ведь она вроде успокоилась, что не нашли. Не буду отдавать!» – здраво рассудила Жаккетта.

Она вынула шпильку из мешочка и сунула в щель между камнями. Залепила получившийся тайничок комочком глины и пошла в свою каморку.

* * *

Войдя в комнатенку, Жаккетта застала там Аньес, которая пришла ей помочь перебраться к себе и теперь сидела на лежанке и болтала ногами.

– Ты чего какая-то кислая? – спросила она. – Радоваться надо, из этой норы в нормальную комнату выберешься, к людям поближе!

– Чего-чего... – пробурчала Жаккетта. – Не каждый день, небось, вместе с учебой еще и трахают почем зря! Ты бы, небось, не веселилась, если бы тебя ни с того, ни сего завалили на травку!

– Ой! Да что ты такое говоришь! – всполошилась Аньес. – Кто?!

– Кто, кто... господин Марчелло, вот кто!

– Врешь! – неожиданно надула губки Аньес.

– Ну, здрастье! – удивилась Жаккетта. – Меня, значит, три часа по лежанке возили туда-сюда, и я же вру! Больно надо...

Аньес соскочила с лежанки и обошла Жаккетту кругом, внимательно её рассматривая, словно пытаясь увидеть в подруге что-то новое, неизвестное ей.

Ничего не найдя, она села обратно на кровать и задумчиво сказала:

– Извини, Жаккетта, но сама посуди: мессир Марчелло появился здесь три года назад. И за все это время до нас, служанок, ни разу не снизошел. Да ему не больно-то надо. К нему дамы пачками рвутся, не только как к астрологу. Вон баронесса за ним бежит, только шум стоит. И он к ней ночевать в окошко лазит – зря она, что ли осталась! Да и кто из местных красавиц, которые благородные и все такое прочее, у него в башенке не побывал. У Маргариты кузина в камеристках у госпожи де Пуа, так вот эта госпожа, Маргаритина сестра говорила, отравиться хотела, когда он ее бросил. Говорят он та-а-акой кавалер! – она лукаво посмотрела на невозмутимую Жаккетту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.